

POLYSTORIA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

POLYSTORIA

*Анатомия власти:
государя и подданные в Европе
в Средние века и Новое время*

Составители и ответственные редакторы
Олег Воскобойников, Ольга Тогоева

Второе издание, пересмотренное

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва, 2025

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
А64

<https://elibrary.ru/gzkltk>

Серия основана в 2020 г.

Редакционный совет серии:

Михаил Бойцов (председатель), *Андрей Виноградов*, *Олег Воскобойников*,
Дмитрий Бовыкин, *Фёдор Успенский*, *Рустам Шукуров*

Дизайн серии: ABCdesign

Составители и ответственные редакторы:

Олег Воскобойников, *Ольга Тогоева*

Авторы:

Анастасия Ануфриева, *Михаил Бибииков*, *Дмитрий Бовыкин*, *Ирина Варьяш*,
Андрей Виноградов, *Олег Воскобойников*, *Анна Герштейн*, *Михаил Дмитриев*, *Сергей Иванов*,
Сергей Карпов, *Ольга Кошелева*, *Юлия Крылова*, *Анна Литвина*, *Александр Марей*,
Станислав Мереминский, *Алексей Муравьев*, *Александр Назаренко*, *Ольга Окунева*,
Людмила Пименова, *Анна Серегина*, *Александр Сидоров*, *Ольга Тогоева*, *Павел Уваров*,
Фёдор Успенский, *Сусанна Цатурова*, *Александр Черных*, *Александр Чудинов*, *Светлана Яцык*

Составление указателей: *Александр Левченко*

Рецензенты:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН *Светлана Лучицкая*;
доктор исторических наук, профессор *Рустам Шукуров*

В оформлении обложки использован фрагмент миниатюры к Библии Мациевского.
Morgan Library & Museum, New York, USA (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Old_Testament_miniatures_with_Latin,_Persian,_and_Judeo-Persian_inscriptions_-_Google_Art_Project.jpg)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики

<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-4132-6

ISBN 978-5-7598-4132-6 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4097-8 (e-book)

© Авторы, 2021; 2025
© Составление. Воскобойников О.С.,
Тогоева О.И., 2021; 2025

Содержание

- 9 *Ольга Тогоева, Олег Воскобойников.* Нескромное обаяние власти
ИМЯ, ТИТУЛ, ИНСИГНИЯ
- 14 *Алексей Муравьев.* Эсхатологический царь-странник.
Мифологема царской харизмы времен Юстиниана в восточно-христианских текстах
- 27 *Анастасия Ануфриева.* Вормс — Ахен, 961 год: коронация и ее образ
- 55 *Сергей Иванов.* Кто такой миродержец?
- 66 Александр Назаренко. «Владимиръ на столѣ»: тронные изображения на монетах крестителя Руси
- 89 *Михаил Бибилов.* «Рекс Московии и всея Руси»: взгляд из Константинополя
- 95 *Ольга Окунева.* Меч дикаря, палица Геракла и скипетр монарха: власть символа и символ власти с другого берега Атлантики
- 120 *Анна Литвина, Фёдор Успенский.* Два имени государя (Потапий Максимович Матвеев внук или Василий Иванович Шуйский)
- ГОСУДАРИ И ПОДДАННЫЕ
- 136 *Станислав Мереминский.* Жизнь и смерть одного бородача: Вильгельм Фитц-Осберт и «восстание» 1196 г. в Лондоне
- 158 *Анна Герштейн.* Появление лжеправителя в городе: две интерпретации одного сюжета
- 175 *Юлия Крылова.* Порядки и беспорядки при дворе бургундских герцогов и не только
- 190 *Анна Серегина.* Война и престолонаследие: Елизавета I путешествует по югу Англии (1591)
- 210 *Михаил Дмитриев.* Царский соблазн... Почему православные жители Речи Посполитой захотели стать подданными московских государей?

- 236 *Ольга Кошелева*. Власть атакует канцелярии: трансляция указов в администрацию в России второй половины XVIII в.
- 256 *Александр Чудинов*. Французская революция в восприятии русских современников

СПОРЫ О ВЛАСТИ

- 268 *Александр Сидоров*. Обесчестить короля: *honor* и его место в каролингской политической культуре
- 281 *Андрей Виноградов*. Апостольский авторитет, власть над телом и Рим как арбитр: спор о бане на востоке и западе Европы
- 297 *Сергей Карпов*. Власть над судом или суд над властью: синдикации венецианских и генуэзских консулов в факториях Причерноморья в XIV–XV вв.
- 311 *Сусанна Цатурова*. Королевская схизма, Этьен Паскье и корпоративная историческая память
- 325 *Ольга Тогоева*. В тени короля
- 342 *Людмила Пименова*. Анатомия французской монархии Старого порядка в «Трактате о правах» под редакцией Ж.-Н. Гюйо
- 356 *Дмитрий Бовыкин*. «Здесь виновно всё»: всеобщая амнистия как завершение Революции
- 376 *Ирина Варьяш*. Рай отменяется?

ВЛАСТЬ ТЕКСТОВ — ТЕКСТЫ О ВЛАСТИ

- 388 *Александр Марей*. Такое разное обаяние власти: российский контекст, христианская традиция и кастильский пример
- 398 Вторая Партида. Титул *г*. В котором говорится об императорах и о королях и о прочих знатных сеньорах. Перевод со старокастильского и примечания *Александра Марей*
- 414 *Олег Воскобойников*. Марсилий Падуанский и его трактат «Перенос империи»
- 423 *Марсилий Падуанский*. Перенос империи. Перевод и примечания *Олега Воскобойникова*

- 443 *Бонифаций VIII. Слава, хвала и почет.*
Булла о канонизации Людовика IX Святого.
Вступление, перевод и примечания *Светланы Яцык*
- 459 *Павел Уваров. Чума в Провене 1582–1583 гг. К вопросу*
о патологоанатомии власти
- 483 *Александр Черных. Шарль Дю Канж и его рассуждение*
«О передаче фамильных гербов»
- 511 *Список иллюстраций*
- 512 *Указатель географических, топонимических, этнических,*
конфессиональных и некоторых других понятий.
Составитель Александр Левченко
- 527 *Указатель имен. Составитель Александр Левченко*
- 544 *Авторы*
- 547 *Abstracts*
- 559 *Contents*

Нескромное обаяние власти

Название этой книги — мы это осознаем — может как привлечь, так и отпугнуть наших читателей. Поспешим их успокоить: мы не напрашиваемся в наследники Везалия, не надеваем белых халатов и не планируем пересматривать основы научной анатомии. Мы всего лишь следуем доброй средневековой традиции.

В позднеантичном герметическом трактате «Тридцать шесть деканов» все отношения между людьми — любовь, подчинение, господство — переселились в мир созвездий, а планеты и знаки Зодиака резонно были названы государями. Средневековая астрология унаследовала такую образность. В середине XII века Иоанн Солсберийский обратился к архиепископу Кентерберийскому Фоме Бекету с масштабным сочинением «Поликратик», где разобрал по составу всю систему «госуправления». Целых две книги он посвятил описанию государства как тела человека. Естественно, картина вышла вполне иерархической — ведь тело стоит на ногах и заканчивается головой. Так и государство, утверждал Иоанн, покоится на труде пахарей, а управляется государем. Логично.

Столетие спустя капеллан папы римского Климента IV (1265–1268) Николай де Санктис представил строение всего христианского общества как риторико-морализаторское описание тела. Картина вроде бы должна была выйти уже совсем пирамидальной, со стоящим над миром наместником Христа. Но нет: читателю оказалось представлено идеально гармоничное социальное тело, коллегия, «корпорация», где каждый член спешит на помощь соседу, где никто никого себе не подчиняет, но сам стремится послужить. В 1480-х годах Франческо ди Джорджо Мартини предлагал герцогу Урбино Федерико да Монтефельтро построить идеальный город на возвышении, где на «голове» расположилась бы резиденция государя, на «животе» — главная площадь, на «груди» он собирался поставить собор, а периметр стен охватывал бы «конечности» с четырьмя сторожевыми башнями — на

«локтях» и на «ступнях». Этот архитектор умел строить вполне реальные крепости. Но он же, следуя всерьез гуманистическому принципу «человек — мера всех вещей», с видимой легкостью вписывал человеческую фигуру и в фасад античного храма, и в план христианской базилики, и в «тело» города. Еще дальше шел его современник Антонио Филарете: он анализировал и описывал постройки примерно так, как медик рассуждал об организме.

Подобные рассуждения мы прежде всего резонно прописываем по части органонологической метафорики: ведь аналогическое мышление способно сравнить что угодно с чем угодно. Не следует думать, что такой подход «примитивен» или что он свойственен только Средневековью: сегодня, как и в давние эпохи, здоровье политиков остается поводом для пересудов, и медицинский порядок в микрокосмосе имеет прямое влияние на порядок в макрокосмосе, а язык вершителей наших судеб пестрит совсем не невинной метафорикой.

Но должна ли подобной пеной на глади истории интересоваться строгая наука? Последние сто лет, начиная с «Королей-чудотворцев» Марка Блока (1924 г.), историки почему-то взялись за нее всерьез. «Телесность» вошла в плоть и кровь исторических исследований. Это в особенности касается медиевистов, но вовсе не только их. Может быть, потому, что люди, вступающие друг с другом в отношения власти и подчинения, также состоят из плоти и крови? Или потому, что они выстраивают связи друг с другом, иногда осознанно, иногда инстинктивно следуя устройству собственного организма? Нам ведь не нравится, когда болит зуб или ноет колено. Это нас беспокоит, из-за расстройства малой части тела в беспорядок приходят и наши мысли, и наши чувства. Из-за докучливого насморка порой случается проиграть даже Ватерлоо. Разве мы не строим свой политический макрокосмос, сообразуясь с гармонией в микрокосмосе? Ни Средневековье, ни Новое время в этом не сомневались.

Некоторые старые, но по-прежнему не банальные вопросы, подумалось нам, нуждаются в новых формулировках, в особенности сегодня, когда все привычные связи оказались неожиданно — и, надеемся, ненадолго — разрушенными. Поэтому мы решили объединить усилия

почти тридцати друзей, которые многие годы изучают отношения власти в Европе с самых разных точек зрения. Все мы делаем это очень по-разному, иногда даже с противоположных друг другу методологических или мировоззренческих позиций. Эта разногласица — традиционная черта нашей медиевистики последних тридцати лет. Мы ценим ее и культивируем в серии «Polystoria», о чем ее бессменный руководитель Михаил Бойцов уже не раз писал.

Кстати, несколько лет назад, когда вышло первое издание «Анатомии власти», именно юбилей Михаила Бойцова послужил достойным поводом для появления на свет этого увесистого тома. В наши задачи не входило тогда определить место нашего наставника и друга в историографии, оно и так ни для кого не составляет секрета. Название книги, безусловно, навеяно его работами: если Жака Ле Гоффа друзья ласково называли «историком-людоедом», то Михаил Бойцов вполне достоин именоваться новым Везалием. Впрочем, вполне уместно было бы здесь вспомнить и Элиаса Канетти, и Эрнста Канторовича, и Мишеля Фуко, и Иеремию Бентама.

Мы попытались, следуя за этими авторитетами, представить власть эпохи Средневековья и раннего Нового времени во всей сложности ее проявлений, как некий *организм*, существовавший на протяжении тысячелетия на широком географическом пространстве: от Руси и Византии до Пиренеев, Исландии и Южной Америки. Поскольку феномен власти неопишем в рамках какой-то одной проблематики или методологии, столь же широким нам видится и тематическое поле. Его можно довольно условно разделить на такие «подразделы», как право, символическая коммуникация власти и общества, ритуалы и репрезентация, сила и слабость конкретных представителей власти, их взлеты и падения, их ошибки, просчеты, грехи и преступления. Нас интересовали и источниковедческие аспекты изучения власти, историография и методология ее исследования, особенно в компаративистской перспективе, возникновение центральных и периферийных институтов управления и должностей, отношения власти и экономики, власти и религии, индивидуальное и коллективное ее восприятие, исключительное и типичное в ее истории, проблема восприятия тела

государя, а также связанная со всеми перечисленными направлениями исследований проблема мифотворчества.

Этот набор сюжетов был обусловлен нашим желанием создать труд, у которого есть шанс стать вехой в исторической науке, и предложить читателям задуматься о собственном прошлом, об актуальности явлений, казалось бы, давно канувших в Лету. То, что книге потребовалось второе издание, подсказывает, что хотя бы отчасти нам это удалось. Может, все дело в том, что обаяние власти никогда не бывает скромным...

Имя, титул, инсигния

Эсхатологический царь-странник. Мифологема царской харизмы времен Юстиниана в восточно- христианских текстах¹

Представление о харизме царской власти, столь явственное в зрелом византийском и западном Средневековье, принимало на позднеантичном христианском Востоке порой интересные формы, отражавшие разные не-западные влияния. Эта восточная харизма царства является пред взором читателя средневековых восточных текстов флюктуирующей, то появляющейся, то исчезающей, но неизменно устремленной в эсхатологическую перспективу. Вся постэллинистическая картина царской харизмы оказалась осенена огромной фигурой Александра Македонского, который, пройдя через призму еврейской эсхатологии, оказался царем-странником². Вся эпопея его завоеваний была полностью переосмыслена на Востоке в этой перспективе.

В сирийской традиции, в отличие от византийской или, тем паче, западной, Александр рано стал таким образцовым царем. Христианская версия «Александрии», которая, как ясно на настоящий момент, была одним из самых распространенных и влиятельных текстов далеко за пределами сирязычной области (сейчас уже известны еврейская, уйгурская и старомонгольская версии, не говоря об арабской «Жизни Александра», *сирату-л-Искендер*), стала очень известной. Популярность ее отчасти объясняется тем, что это текст-модель³ всего процесса

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Запреты в средневековом обществе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

² См.: Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.

³ Pfister F. Alexander der Große in den Offenbarungen der Griechen, Juden, Mohammedaner und Christen // Kleine Schriften zum Alexanderroman (Beiträge zur klassischen Philologie, 61). Meisenheim am Glan, 1976. P. 301–347; Reinink G. Alexander the Great in Seventh-Century Syriac “Apocalyptic” Texts // Byzantinorossica 2. Saint-Petersburg, 2003. P. 150–178. Из новейших работ по всему комплексу мифологии: Les voyages d’Alexandre au paradis: Orient et Occident, regards croisés / C. Gaullier-Bougassas, M. Bridges (eds). Tournhout, 2013; Monferrer-Sala, Zuwiyya D. A Companion to Alexander Literature. Leiden; Boston, 2011.

эллинизации Востока. Его объясняющий потенциал настолько силен, что его читали едва ли не как Библию и уж точно как дополнение к Библии. Именно «Александрия» объяснила разным народам, как сложился и как устроен мир, в котором они живут. Но самое главное — она объясняла им, как получают свою власть цари и зачем она нужна в перспективе конца света.

Это объяснение состоит в том, что цари нужны, чтобы уберечь великую мировую державу ромеев до конца времен, который уже близок. Иначе говоря, Александр стал не просто путешественником, но апокалиптическим царем-странником. П. Александер, знаток и исследователь византийской апокалиптики, справедливо указывал на роль пророчеств Даниила и Иезекииля в представлениях о конце света⁴. Конечно, не стоит забывать, что весь жанр апокалиптики был еврейско-арамейского происхождения. Однако окончательное утверждение в византийской и восточнохристианской (прежде всего сирийской), а также отчасти и в западной традиции (вспомним мифологему о Гоге и Магоге) темы Последнего Царя, как замечает Александер, отграничило Средневековье от поздней Античности через представление об особой форме царской харизмы.

Царь-странник и библейские пророчества

Эта граница пролегла по пророчеству о царе-тиране и триумфе христиан: только впоследствии конец века сирийцы отождествили с арабскими завоеваниями в «Откровении Псевдо-Методия». Но если в VII в. все сложилось для сирийцев и потом для византийцев в понятную и единую картину⁵ и писание таких *vaticinia post eventu* было делом составителей зеркал, то в VI в. такое пророчество было еще видением. И тем не менее, как считает П. Александер, это видение в контексте сивиллиных пророчеств (Тибуртинской сивиллы прежде всего) и библейских пророчеств Даниила и Иезекииля было базой историософского видения позднеантичных сирийцев и ромеев.

⁴ Alexander P.J. The byzantine apocalyptic tradition. Berkeley; Los Angeles, 1985. P. 30–55.

⁵ А косвенно — и для мусульман, ибо мессианская риторика и риторика «новой эпохи» и «новой земли» не чужды Корану. См.: Reinink G.J. Die syrische Apokalypse des Pseudo-Methodius. Louvain, 1993.

новых пониманий, в частности понимания карты мира и карты истории. Стоунман отмечает, что главным мотивом эсхатологического путешествия Александра было его желание узнать час своей смерти¹¹. Это и есть знаменитый *πρόρος* Александра, его стремление унести свое царство на Восток, спасти его и спастись самому, выпив живой воды. Исследователь объясняет это заботой о судьбе великой Империи¹². Ворота, выстроенные царем, как открывает ему ангел в видении, пребудут закрытыми до конца времен¹³. При конце же (в конце VII тысячи лет) начнется апокалиптический ужас, а затем врата раскроются и выйдут агогиты и магогиты. Предчувствие конца мира в «Александрии» выражено максимально ясно в виде последовательно наступающей вражды, ненависти и прихода неизвестных народов-разорителей. После победы над персидским царем Табарлаком (Тубарликом) Александр строит ворота, чтобы раз и навсегда закрепить царство в его пределах и обезопасить его от нападения с востока.

Далее этот фундаментальный для сирийской идентичности миф перекочевал в первую часть «Откровения Псевдо-Мефодия» (так называемая последовательность царств)¹⁴ — своего рода ретроспективный «конструктор истории». Здесь уже перед нами схема передачи харизмы. Отцом Великого Александра называется македонский царь Филипп, а матерью его — Кушет (*Qušet*), воплощение Эфиопии, той, из которой происходит царица Савская (она же Кандака). История связалась — от древнего Соломона к Александру. Кушет после смерти сына возвращается в Куш, а потом, после женитьбы Кушет и Визаса (т.е. эпонима Византия), — в Грецию. Принцесса Византия выходит замуж за Ромула (*ῥομυλός*) и получает Рим. Воспроизведя этот миф, автор переходит к главному — пророчеству Иезекииля о Гоге (в сирийском обычно — Агоге) и Магоге. Эта история при правильном истолковании дает ключ ко всей эсхатологической конструкции.

И именно это и произошло в VII в. для наблюдателя со стороны Римской империи: народы с востока пришли и разрушили весь обитаемый мир: гунны (эфталиты) разрушили Персидское царство, а агаряне

¹¹ Morgan R., Stoneman R. Greek Fiction. L., 2013. P. 125.

¹² Ibid. P. 126–127.

¹³ Alexanderlied. I, 426. P. 86 (ῥαὶ ἄλα ῥάῖα ῥαὶ ἄλα ῥαὶ ῥαὶ ῥαὶ).

¹⁴ Ibid. P. V–XVII.

(сарацины) разрушили ромейский Восток. Это произошло, ибо нарушены были заветы Александра, цари римские, начиная с Юстина I, ополчились на противников Халкидона. Последовали меры по изгнанию монахов и закрытию церквей, а затем началось переселение авар, которые пришли на место гуннов в качестве основной угрозы для Империи. Переселение гуннов в IV в., савиров и оногуров в V в., землетрясения и волны чумы, аварская эпопея и «арабское пробуждение» в VI в. довершили картину апокалипсиса. Все это сирийский Восток перенес в полной мере.

Антицарь и харизма

Царь Александр, повинувшись апокалиптическому зову, идет на Восток, чтобы защитить Вечное царство. Этот образ царя-странника в поисках «живой воды» в литературной традиции сирийцев получил и своего темного двойника. История о Юлиане-отступнике, царе-злодее IV в., стала парадигматической: образ злодея стал образом нового Александра, но не «обратившегося», а продавшего душу дьяволу. Об этом сирийским читателям поведал текст, сохранившийся в рукописи VI в. и названный «сирийским романом о Юлиане»¹⁵. Влияние его на историографию в целом было небольшим, учитывая его жанр: апокалиптическая агиография¹⁶. В 1906 г. Р. Готтхейль опубликовал в Лейдене в серии «Semitic Study series» выборку из «Романа», в предисловии к которой впервые указал на ряд арабо-мусульманских историков, которые зависят от «Романа»¹⁷. Но текст был изолированным, никто из средневековых греческих писателей его не цитировал, и казалось, тексту суждено стать очередной забытой сенсацией востоковедов.

Однако в 1939 г. академик К.С. Кекелидзе идентифицировал «Роман» как один из источников «Жизни Вахтанга Горгасала», которая

¹⁵ См.: *Julianos der Abtrünnige. Syrische Erzählungen* / hrsg. von G.J.E. Hoffmann. Kiel, 1880; *The Julian Romance* / M. Sokoloff (ed., transl.). Piscataway, 2016; *Muraviev A. The Syriac Julian Romance and its place in literary history* // Христианский Восток. 1999. Т. 1. № 7. P. 194–207.

¹⁶ См.: *Braun R., Richer J. L'Empereur Julien. De l'histoire à la légende* (331–1715). Dijon, 1978.

¹⁷ “It may even be conjectured that a translation was made into Arabic, seeing that it evidentially forms the basis for the legendary accounts of Julian in Muhammadan histories” (*Gottheil R. A Selection from the Syriac Julian Romance*. Leiden, 1906. P. IX–X).

входит в «Картлис цховреба», главную царскую хронику Грузии¹⁸. Только в 1953 г. экспедиция «American Foundation of Man» занялась пересъемкой арабских рукописей монастыря св. Екатерины на горе Синай. Среди рукописей Синая находилась *Sinai arab. 516*, которая на первом же листе содержала имя *أليانوس*. В 1956 г. У. Бен Хорин предпринял ее исследование и пришел к выводу, что перед ним арабский перевод сирийского «Романа»¹⁹, который Саид ибн Стефан бен Маркиан переписал в 928 г. Фрагмент той же синайской рукописи с колофоном Бен Хорин отыскал в коллекции Альфонса Минганы в Сэлли-Оук под шифром *Mingana Ar. Christ. 239*. Автор статьи указал на «Тāрих» Табари как на возможное звено дальнейшей передачи, однако ему не удалось развить свою идею: когда статья вышла из печати (1961 г.), ее автора уже не было в живых. Так оказалось, что этот текст оказал влияние через иранцев (Табари) на мусульманские представления о царях прошлого.

Нёльдеке считал, что «Роман» был написан в Сирии в начале VI в. Идея семитолога также состояла в постулате о характере текста как о художественной фантазии²⁰. Его взгляды были подвергнуты критике Ханом Драйверсом, который предположил, что «Роман» принадлежит антииудейской полемической литературе²¹. Наконец, М. ван Эсбрук описал характер текста как агиографический²². Г. Райнинк назвал этот текст «эсхатологическим». «Роман о Юлиане» состоит из трех частей. Первая история отступничества Юлиана и первые шаги императора (его имя звучит по-сирийски как *Lūlianōs*) в Константинополе. Рассказ об отважном епископе Евсевии Римском

¹⁸ Kart. Sxovr. C. 160–161 (ქართლის ცხოვრება (Жизнь Картли) / С. Кауцшивили (изд.). Т. I. Тбилиси, 1955); *Кекелидзе К.С.* (კეკელიძე კ.) “ივლიანეს რომანი” კვალი ადრინდელ ქართულ მწერლობაში [«Роман о Юлиане» как источник грузинской письменности] // *ეტიუდები ძველი ქართული ლიტერატურის ისტორიიდან*. Т. II. Тбилиси, 1959. P. 70–80.

¹⁹ *Ben Horin U.* An Unknown Old Arabic Translation of the Syriac Romance of Julian the Apostate // *Scripta Hierosolymitana IX. Studies in Islamic History and Civilization* / U. Heyd (ed.). Jerusalem, 1961. P. 1–10.

²⁰ *Nöldeke T.* Über den syrischen Roman von Kaiser Julian // *ZDMG*. 1879. 28. S. 263–292.

²¹ *Drijvers H.J.W.* The Syriac romance of Julian. Its function, place of origin and original language // *Orientalia christiana analecta*. 1994. No. 247. P. 201–214.

²² *Esbroeck van M.* Le soi-disant Roman de Julien Apostat // *Symposium Syriacum*. 1987. Vol. V. P. 191–202. [OCA 229].

составляет вторую часть²³. Третья описывает поход Юлиана против Персии и его смерть.

«Роман» воскрешает события IV в., чтобы сделать актуальной тему утраты царем харизмы вследствие помрачения ума и гонения. Г. Райник, первым вскрывший эсхатологический смысл «Романа»²⁴, указал на использование тем из тезауруса «последних времен» (*τὰ ἔσχατα*), который Г. Подскальски назвал «имперской эсхатологией». Герой «Романа» генерал Иовиниан (*Yūḫīnyānōs*) совершает аскетический подвиг, отказываясь от своей христианской идентичности. Он служит императору-отступнику, спасая христиан, и становится свидетелем противостояния императора и понтифика «города Рима» (обобщенный образ западного христианского мира) Евсевием²⁵, за которым отчетливо проглядывает фигура лидера сирийских антихалкидонитов Севера Антиохийского. Этот выдающийся церковный деятель VI в. долго противостоял попыткам императора Юстина сместить его с престола Антиохии. Это удалось в конце концов, но в момент, когда к власти пришел Юстиниан, у сирийцев-антихалкидонитов возникла надежда на то, что смягчение политики руками этого «правоверного генерала при еретике-царе» приведет к восстановлению единства двух частей восточнохристианского мира Империи. «Роман» отражает ровно этот момент и становится памятником этим надеждам. Харизма царя (Юлиана-Лулиана-Юстина) из-за его ереси зависает и передается его генералу — тайному христианину Иовиниану-Юстиниану.

В «Романе» Иовиниан сперва остается в тени. Главный герой второй части — Евсевий, архиепископ Римский²⁶ (переосмысленный Север), который не дает Юлиану осквернить великий город (в понимании автора VI в. символ христианства) алтарями богов, и царю не удается сжечь его. Ярость Отступника изливается на христиан, многих из которых он предает смерти, но изменить ход событий ему уже не под силу. В наказание за нечестие царя Евсевий призывает толпы

²³ The Julian Romance. P. VII.

²⁴ Reinink G.J. The Romance of Julian Apostate as a Source for Seventh Century Syriac Apocalypses // Reinink G.J. Syriac Christianity under Late Sasanian and Early Islamic Rule. L., 2005. P. 75–86.

²⁵ Schwartz D.L. Religious Violence and Eschatology in the Syriac Julian Romance // Journal of Early Christian Studies. 2011. Vol. 19. No. 4. P. 565–587.

²⁶ Этот Евсевий попал в «Роман» из эдесского цикла о Обретении Креста.

монахов (намек на иноков-антихалкидонитов, изгнанных из своих монастырей Юстином), которые громят весь «Рим», не щадя сторонников «неправой веры»²⁷.

Трудно не увидеть в этой мрачной истории своего рода антиутопию: подобно Евсевию, противостоящему Юлиану, Севир и другие антихалкидониты противостояли Юстину, мечтая о благочестивом его преемнике²⁸. Отчаявшись убить христиан в Риме (т.е. на западе Империи), Отступник организует поход на Персию, чтобы по пути, в Константинополе и Антиохии, нанести христианам как можно больше вреда. Вспомним, что при Юстине персидская война возобновилась с новой силой.

И здесь уже главный герой Иовиниан (имя Иовиана в «Романе») идет с ним и со всем войском в глубины Персии. Злодей Юлиан в «Романе» — это анти-Александр, который идет к границам мира уже не за живой водой (как тот), а за смертью и разрушением для христиан. Его тайная цель — открыть заветные врата, убив христиан, и начать Армагеддон. Такое решение образа Юлиана в «Романе» напрашивается. Но, перейдя фронтим Империи, Иовиниан встречает партнера с персидской стороны в лице тайного советника Аримихра (𐭠𐭮𐭩𐭮𐭥), главного мобеда Сасанидского царства. Вместе они противостоят царю-гонителю, который хочет, как выясняется, не завоевать Персию (как настоящий Александр), а убить побольше христиан. Однако его самого карает Божий гнев в виде стрелы, посланной мучеником мар Куриосом (ܩܘܪܝܘܫ ܩܘܪܝܘܫ), посланником Бога (превратившимся затем в св. Меркурия²⁹).

Чтобы оттенить фигуру антицаря, в «Романе» выведен персидский шаханшах Шапур, который восхваляется как достойный, хотя и враждебный, властитель. Он не теряет своей харизмы, которая обусловлена Божьей волей в отношении как ромеев, так и

²⁷ Drijvers J.W. Ammianus, Jovian, and the Syriac Julian Romance // *Journal of Late Antiquity*. 2011. Vol. 4. No. 2. P. 280–297.

²⁸ Wood P. “We have no king but Christ”. Christian political thought in greater Syria on the eve of the Arab conquest (с. 400–585). Oxford, 2010. P. 132–162.

²⁹ Любимого героя коптов الشهيد أبو مرقورة. См.: Binon S. Essai sur le cycle de saint Mercure. P., 1937 [Bibliothèque de l'École des Hautes Études, Sciences Religieuses, 53]; Orlandi T. Passione e miracoli di S. Mercurio. Milano, 1976; Meinardus O.F. St. Mercurius-Abu's-saifain // *Studia Orientalia Christiana*. 1970. Vol. 15. P. 107–119.

персов³⁰. Последний акт этой псевдоисторической драмы, для которого использованы аутентичные документы IV в., разыгрывается после смерти злодея Юлиана. Его преемника венчает на царство сам Христос, а венец императора на Крест возлагает шаханшах Шапур! Харизма царя, сделав круг, возвращается на главу достойного. Цари заключают мир, видимо отражающий «Вечный мир», заключенный Юстинианом и Кавадом в 532 г.

Так западносирийский автор из Эдессы, писавший, вероятно, в изгнании (единственная рукопись написана, возможно, в Египте во время ссылки туда мар Севира) сагу о царе-отступнике, гонении и аскетическом противостоянии злу, выражал свое убеждение в том, что Бог ведет христиан верным путем к концу времен, ставя им правильных царей и поражая неправильных.

Эта идея возвращает нас к «царскому списку последних времен». Он воспроизведен, в частности, в сирийском «Откровении Псевдо-Мефодия»³¹. Этот текст был создан в VII в., однако он отражает эсхатологические ожидания и картину мира предыдущего столетия. Как доказал П. Александер, текст восходит к «Эдесскому апокалипсису». Не только лишь «Александрия» изображала мир, стремящийся к своему концу, как назидательную историю. Неизвестный сирийский автор VI в. составил «Роман о Юлиане», чтобы показать, как эсхатологический император Рима³² преодолевает сатанинские козни и гонения царя-тирана своим странничеством физическим и духовным. Бог в истории побеждает, а сатана проигрывает, но этот поединок длится до завершения времен. Вероятно, западносирийский автор сочинил эту эпическую сагу практически как зеркало для преемника Юстина, который должен был восстановить правую веру в преддверии конца света.

³⁰ Муравьев А.В. Враг Рима — «благочестивый персидский царь» // Вестник древней истории. 2005. № 3 (254). С. 115–125.

³¹ Reinink G.J. Die syrische Apokalypse des Pseudo-Methodius. См.: Suermann H. Die Geschichtstheologische Reaktion auf die einfallenden Muslime in der edessenischen Apokalyphtik des 7. Jahrhunderts. Vol. 256. Bonn, 1985; греческий текст: Апок. Ps-Method. gr.; Martinez F.J. The Apocalyptic Genre in Syriac: The World of Pseudo-Methodius. [s.l.], 1987.

³² Alexander P.J. The medieval legend of the last Roman Emperor and Its messianic origin // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1978. Vol. 41. P. 1–15.

Сирийская мифологема и царская харизма в Грузии

Нам остается упомянуть в связи с этим текстом связь сирийцев и картлийцев, которую обнаружил К.С. Кекелидзе в статье 1935 г.³³ Памятник «Жизнь Вахтанга Горгасала», вошедший в «Картлис цховреба» в редакции Джуаншера в IX в., — интересный текст с точки зрения нахождения в нем сирийских влияний. О герое, великом грузинском царе V в., говорится, что его бабка по отцу была ромейкой из рода Иовиана (*nat'esavi ivbimianos mep'isa*)³⁴, а затем персы укоряют Вахтанга в том, что в нем «возобладала природа матери отца». Такое возведение рода Вахтанга (жизне которого под слоем персидских заимствований скрывает глубокий аутентичный слой) к Иовиану и его истории неслучайно. После упоминания «битвы (*ç'qoba*) при Андзиандзоре»³⁵ Вахтанг, обращаясь к своим спутникам во время похода на Малую Азию (Армению), произносит пламенную речь:

Неужто неведомо вам о чудесах (*sasç'aulni*), свершенных царем Константином водительство креста, либо о тех чудесах, которые имели место в Ромейской стране с царем-язычником-Юлианом (*ivlianes-ze mekerp'isa mep'isa*)? — как поразило его копьё небесное³⁶ и собрались воины ромейские и поставили царем Иовиана (*ivbimianos*), а он не принял этого [т.е. царского достоинства. — А. М.], покуда [они] не сокрушили идолов и не воздвигли кресты, и лишь после этого возложили на него царский венец. Тогда ангел небесный вознес венец и возложил его на главу Иовиана — истинного государя (*ivbimianossa ç'ešmaritša mep'essa*). И звучал глас небесный, который вещал царю персидскому Хосро-Тангу (*Xuasrotāngā*): «Прекратите войну против Иовиана, ибо мощью креста он неодолим»³⁷. И с тех пор стали друзьями царь и Хосро до скончания дней их³⁸.

Имя Иовиана, как уже заметили Кекелидзе и М. ван Эсбрук, приведено в такой форме (*Ivbimiane*), которая транслитерирует сирийское ܝܘܒܝܢܐ, именно так, как она дается в «Романе» (транслитерировано с неслоговым чтением «вав» как «вин»). Далее императоры

³³ Кекелидзе К.С. Указ. соч. С. 73.

³⁴ Kart. Sxovr. C. 140: ამან არჩილ მოიყვანა ცოლი საბერძნეთით, ნათესავი ივბიმიანოს მეფისა.

³⁵ წყობა პირველთა მეფეთა იყო ანბიანბორს, სადა უკუე.

³⁶ В романе — стрела.

³⁷ ძალითა ჯუარისათა უძლეველ არს.

³⁸ Kart. Sxovr. C. 161–162.

Константин и Иовиан перечисляются в одном ряду с Давидом и Соломоном. И эпизод с возложением венца на главу точно воспроизводит эпизод, в котором выражена ромейская эсхатология. Царство ромейское есть последнее царство мира, и генеалогию царств, подобную Баальбекскому оракулу и «Александрии», Вахтанг излагает ранее. Она связана с откровением архангела Михаила Нимвроду (Неброту в груз.). Архангел произносит, в частности, такую фразу: «И оставил говорящих по-индски — в Индии, синдов — в Синде, римлян — в Риме, греков — в Греции, аго[гито]в и магог[ит]ов — в Магугии, персов — в Персии; но главным языком остался сирийский (*pirveli ena asureli iqo*)»³⁹. Эта эсхатологическая мифологическая реконструкция отражает сирийские источники Джуаншера, в частности «Роман о Юлиане». Ученики Григория Назианзина, обсуждающие с грузинским царем западносирийский эсхатологический текст, — такова была реальность христианского Востока в VI в., когда создавалась основа «Жизни Вахтанга». Именно поэтому автор вместо Шапура упомянул Хосрова — реконструкция IV в., сделанная в VI в., была уже неактуальна для Джуаншера. Видимо, не имея под руками сирийского текста, он по памяти поставил шаханшаха ровно того времени, когда, как ему казалось, и происходили события (Хосров Ануширван правил с 531 по 579 г.). В лице Иовиана, «истинного царя», безвременно ушедшего, отражен не кто иной, как Юстиниан времен первого периода и надежд на новый энотизм. Скверный и нечестивый «язычник Юлиан» — это, конечно, Юстин, гонитель антихалкидонитов.

Наконец, образ нечестивого антицаря появляется в несколько неожиданном тексте — знаменитом житийном романе «Билаухар и Будисат» (имена при переводе на греческий переводчик Ефимий Святогорец (Еквтимэ Мтацмидели) превратил в более понятные и похожие на библейские «Варлаам и Иоасаф»)⁴⁰. Его анонимный автор, писавший, вероятно, в VI–VII вв. по-сирийски⁴¹, изобразил царя, теряющего харизму и развязывающего гонение на аскетов-странников.

³⁹ Kart. Sxovr. С. 165.

⁴⁰ Роман дошел в двух версиях: «Мудрость» и «Житие», объединяемых общим термином «Балавариани»: 2. ბალავარიანის ქართული რედაქციები [Грузинские редакции повести «Варлаам и Иоасаф»]. Памятники древнегрузинского языка. Т. 10 / И.В. Абуладзе (изд.). Тбилиси, 1957.

⁴¹ Согласно реконструкции К.С. Кекелидзе.

Разумеется, автор самого древнего гипотетически предполагаемого среднеперсидского⁴² варианта вполне универсально представлял себе конфликт царя-тирана и верующих беглецов. Тот факт, что для своей конструкции неизвестный автор первой редакции романа воспользовался жизнеописанием Сиддхарты Гаутамы «Лалитавистарой», совершенно не меняет картины.

В «Балавариани» устами христиан повторяется мысль о том, что образ земного мира непостоянен и необходимо стремиться к Царствию Небесному путем отказа от земных благ. Такие настроения, по мнению царя страны Шолайт⁴³ Абенесера⁴⁴, нарушают существующие в его стране порядки и представляют угрозу для правителя.

Гонения в «Повести» продиктованы как религиозными, так и общественными причинами: неприятие отшельничества царем оборачивается расколом в землях Шолайта и, как следствие, уходом христиан в странствие, выходом их из общества. Граждане массово уходят в странничество, так что даже царский вельможа (в тексте — «герой, мученик», აზოჯბო), не названный по имени, становится отшельником:

...в стране его умножились верующие в Христа и подвижники — люди святые, из которых иные совершенно отрешились от мирских забот. И весьма дивились они тому, что царь столь зависим от собственных страстей и сделался рабом славословия. И начали они ненавидеть жизнь и все деяния царя. Говорили о затаенных страданиях и соблазнах мира, о конце мирской злобы и о том, что образ мира сего непостоянен... И дошли их слова до царя Абенес(ер)а, который весьма ожесточился по этому поводу и сказал про себя, что такое их сопротивление может послужить причиной разрушения его царства и растления порядка. Посему он вознегодовал на христиан и навлек беду на людей благочестивых и на всех, кто прислушивался к их словам. И тогда начал он замышлять при помощи дьявола зло против них. И наложил на них тяжелую руку, и стал истязать и мучить их, столкнув с ними людей безумных⁴⁵.

Помрачение ума, постигающее Абенесера (Авенира в греческой версии), находит особое выражение в гонении на отшельников. Но уход

⁴² По крайней мере, иранского, сделанного в манихейской среде.

⁴³ Капилавасту на санскрите, груз. შოლაისთა, из араб. شوليط.

⁴⁴ Авенир в греческом. Соответствует отцу Сиддхарты *Suddhōdana* (აბჯებლ < ჰაბჯებლჯერ < حسبر جنتسر).

⁴⁵ Балавариани / пер. с груз., предисл., ред. И. Абуладзе. Тбилиси, 1962. С. 62.

праведных из столицы Шавилабатта / Шолайта в горы — лишь предвзвращение истории «восхождения» святого царевича Будисафа / Иодасафа под руководством цейлонского старца Билахуара / Балахвара. Иначе говоря, в этой нарративной конструкции отшельники уходят в пустыню не просто чтобы убежать от гонения (гонение описывается скорее как часть психологического портрета Абенесера), а именно затем, чтобы спасти и принести назад драгоценный камень веры (*ḡawhar*), который потом Билахуар отдает Будисафу. Получив его, Будисаф, который не приемлет нечестия, уходит в странствие, становясь настоящим эсхатологическим царем.

Перед нами еще заключительная форма инкарнации мифологема о праведном царе-страннике, который уходит в пустыню, оставляя престол вакантным для Бога. Индоиранская «Повесть» о царе-отшельнике, попав в сирийскую среду, была переосмыслена через идею бегства как способа духовной легитимации эсхатологического правителя. В пустыню, в странствие бегут отшельники, бегут вельможи-христиане, бежит, наконец, к Билахуару и сам царевич Будисаф. Мы видим эту мифологему и в других источниках. Царь-странник в ней — это выражение Божьего промысла о царстве, которое, с одной стороны, земное, а с другой — конечная проекция бесконечного. Именно внимание к странникам и отшельникам становится в сирийской литературе VI в. признаком почивания харизмы на царе. Гонение на отшельников оборачивается отъятием благословения Божия от царя-гонителя.

Харизма царя на Востоке с арабским завоеванием не ушла в прошлое: вера в сокрытого Имама шиизма, в Махди, наконец, истории о странствиях царей, пророков и халифов, которые собирал Ибн ал-Калби и записывал Табари, отдаленно, но отчетливо соотносятся с этой восточнохристианской мифологемой.

Вормс — Ахен, 961 год: коронация и ее образ

Прошло уже два десятилетия с того момента, как французский медиевист Филипп Бюк выпустил в свет монографию «Опасности ритуала»¹ и тем самым спровоцировал среди коллег бурную дискуссию. Раннесредневековые политические ритуалы известны нам преимущественно по свидетельствам субъективных нарративных источников, и потому их изучение фактически невозможно, сетовал он². Сложно не согласиться с пессимистичными выводами исследователя, если предполагать, что изучение раннесредневековых ритуалов подразумевает их достоверную реконструкцию. Однако в ходе обсуждения тезисов Ф. Бюка ряд историков предложили иное решение данной проблемы. Если субъективность средневековых сочинителей мешает изучать ритуалы, запечатленные в их произведениях, то почему бы не превратить в объект исследования само их отображение в текстах?³

В числе тех исследователей, кто принял участие в этой дискуссии, был и М.А. Бойцов. Полемизируя с тезисами Ф. Бюка, он писал: «Из того, что мы, скорее всего, никогда не узнаем, как именно в действительности выглядела коронация Оттона I в Ахене в 936 г., вовсе не следует, что сомнительное описание этой церемонии у Видукинда Корвейского лишено интереса для историка политического символизма. Просто полноценным объектом изучения нужно признать не столько *саму* коронацию, сколько ее *образ*, получившийся по тем или иным причинам у Видукинда, а также воздействие этого образа на современников и потомков»⁴.

Показательно, что в качестве примера «сомнительного описания» раннесредневековой церемонии М.А. Бойцов обратился именно

¹ Buc P. *The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory*. Princeton; Oxford, 2001.

² Ibid. P. 248–261.

³ См., например: Spiegel G.M. *Philippe Buc. The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Review // American Historical Review*. 2003. Vol. 108. No. 1. P. 149.

⁴ Бойцов М.А. *Величие и смирение. Очерки политического символизма в Европе*. М., 2009. С. 203.

к эпохе Оттона I (короля Восточно-Франкского королевства в 936–973 гг., римского императора в 962–973 гг.). Государь из рода Людольфингов (именуется также династией Оттонов, Саксонской династией) был окружен яркими и не похожими друг на друга историографами, которые, прославляя покровителя, запечатлели в своих сочинениях множество политических ритуалов. Описания эти и в самом деле можно назвать сколь выразительными, столь и «сомнительными».

Именно оттоновскую эпоху, и притягательную, и «опасную» для исследователя политических ритуалов, мне посчастливилось изучать под научным руководством Михаила Анатольевича⁵. И в качестве скромного оммажа хотелось бы преподнести ему статью, посвященную как раз этой задаче — исследованию образа одной коронации, вероятно тесно связанной и с вышеупомянутым «сомнительным» рассказом Видукинда Корвейского, и с не менее загадочными и субъективными свидетельствами ряда его современников.

Расцвет оттоновской историографии пришелся на период с конца 50-х до начала 70-х годов X в., состав этого круга авторов был чрезвычайно пестрым. В это время своими трудами пытался снискать благоволение государя беглец из Италии, блестяще образованный остро слов Лиутпранд Кремонский⁶. В прославленных саксонских монастырях масштабные исторические сочинения создавали выходцы из высшей местной знати, вероятно лично связанные с членами правящего рода и сохранявшие живой интерес к делам мирским. Монах Видукинд Корвейский воодушевленно воспевал воинственный дух саксов⁷,

⁵ В том числе этим сюжетам была посвящена моя кандидатская диссертация: Ануфриева А.С. Отражение актов политико-символической коммуникации в сочинениях оттоновского времени. М., 2016 (на правах рукописи).

⁶ Наиболее полное и актуальное издание сочинений: *Liutprandi Cremonensis Opera Omnia / a cura di P. Chiesa*. Turnhout, 1998. Рус. пер.: *Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь. 2-е изд., испр. и доп. / пер. И.В. Дьяконова. М., 2012. Более подробная справочная биографическая информация о Лиутпранде: Ануфриева А.С. Лиутпранд Кремонский // ПЭ. Т. 41. М., 2015. С. 300–302; *Karpf E.* Liutprand von Cremona // *LexMA*. Bd. 5. Sp. 2041–2042; *Herbers K.* Liudprand von Cremona // *BBKL*. Bd. 5. Herzberg, 1993. Sp. 139–140; *Chiesa P.* Liutprando di Cremona (Liuto, Liuzo) // *DBI*. Vol. 65. Roma, 2005. P. 298–303; *Sutherland J.N.* Liudprand of Cremona, Bishop, Diplomat, Historian. *Studies of the Man and His Age*. Spoleto, 1988.

⁷ *Widukindi monachi Corbeiencis Rerum Gestarum Saxoniarum libri tres / hrsg. von P. Hirsch, H.E. Lohmann (MGH SsRGus, [60]).* Hannover, 1935 (далее: *Wid. Gesta Sax.*).

а в женском монастыре Гандерсгейм трудилась канонисса Хротсвита, которой благочестие не мешало ценить отнюдь не целомудренные творения Теренция и писать, наряду с историческими и агиографическими поэмами, подражания античным драмам⁸. Не отставали от них в прославлении рода Людольфингов и выходцы из западных областей державы: Руотгер, преданный биограф младшего брата Оттона архиепископа Бруно Кёльнского⁹, а также Адальберт, успевший за свою долгую карьеру побывать писцом в королевской канцелярии, монахом и аббатом в лотарингских и франконских монастырях, миссионером в славянских землях и, наконец, первым архиепископом в главном церковном центре Саксонии — Магдебурге¹⁰.

Все они не могли обойти стороной в своих сочинениях сцены коронации государя. Здесь и далее этим понятием будет обозначаться комплекс символических процедур, в который, помимо возложения венца на голову нового государя и помазания¹¹, мог входить и ряд иных

Рус. пер.: *Видукинд Корвейский*. Деяния саксов / пер. Г.Э. Санчука. М., 1975. Подробнее об авторе: *Althoff G. Widukind von Corvey // LexMA. Bd. 9. 1998. Sp. 76–78; Nass K. Widukind // VL. Bd. 10. München, 1999. Sp. 1000–1006; Springer M. Widukind von Corvey // RGA. Bd. 33. Berlin; N.Y., 2006. S. 586–592; Beumann H. Widukind von Korvey, Untersuchungen zur Geschichtsschreibung und Ideengeschichte des 10. Jahrhunderts. Weimar, 1950.*

⁸ *Hrotswithae Opera omnia / hrsg. von W. Berschin. München; Leipzig, 2001.* Рус. пер. отдельных сочинений: *Хротсвита Гандерсгеймская*. Предисловие к драмам. Дульциций. Каллимах. Авраам. Пафнутий. История страдания св. Агнессы, девы и мученицы // Памятники средневековой латинской литературы X–XI века / пер. Б.И. Ярхо, М.Л. Гаспарова, М.П. Ненароковой и др. М., 2011. С. 690–738. *Arndt K., Bautz F.W. Hrotswitha von Gandersheim // BBKL. Bd. 2. Hamm, 1990. Sp. 1095–1097; Düchting R. Hrotsvit // LexMA. Bd. 5. Sp. 148–149; Rädle F. Hrotsvit von Gandersheim // VL. Bd. 4. Berlin; N.Y., 1983. Sp. 196–210; Sticca S. Hrotsvitha of Gandersheim // Women in the Middle Ages. An Encyclopedia / К.М. Wilson, N. Margolis. Westport (eds). L., 2004. P. 436–441.*

⁹ *Ruotgeri Vita Brunonis archiepiscopi Coloniensis / hrsg. von I. Ott (MGH SSrGNS, [9]). Köln, 1958 (далее: VB).* Рус. пер.: *Руотгер*. Жизнь св. Бруно, архиепископа Кельнского. 928–965 гг. (в 966 г.) // История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. 2. От Карла Великого до Крестовых походов / пер. и сост. М.М. Стасюлевич. СПб.; М., 2001. С. 358–373.

¹⁰ *Adalberti Continuatio Reginonis // Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum Continuatione Treverensi / hrsg. von F. Kurze (MGH SSrGus, [50]). Hannover, 1890 (далее: *Adalb. Chron.*). P. 154–179; Bautz F.W. Adalbert I // BBKL. Bd. 1. Hamm, 1975. Sp. 24–25; Wunder H. Adalbert von Magdeburg // VL. Bd. 1. Berlin; N.Y., 1978. Sp. 32–34; Claude D. Adalbert, Erzbischof von Magdeburg // LexMA. Bd. 1. 1980. Sp. 98–99.*

¹¹ Термины «коронация» и «помазание» в ряде европейских языков рассматриваются как синонимические: например, *Weihe* и *Krönung* — в немецком, *consécration*,

составляющих. В зависимости от эпохи и региона коронационные акты включали различные сочетания и последовательность этих элементов.

Подобное многообразие создавало дополнительный простор для субъективных авторских интерпретаций. Тем более что представления о надлежащем порядке коронационного обряда в эпоху Оттона I были далеко не неизменными¹² — государи новой династии находились в непрерывном поиске нового языка символической репрезентации власти.

В процессе изучения оттоновских описаний политических ритуалов часто выясняется, что внимание или невнимание авторов к тому или иному эпизоду не всегда было напрямую связано с реальной политической значимостью события¹³. В зависимости от своих задач создатели этих описаний могли преуменьшать или преувеличивать эту значимость, подчас делая второстепенные эпизоды центральными в своих произведениях и наоборот.

В связи с этим интересен вопрос, можно ли выделить в исторических сочинениях второй половины X в. какую-либо коронацию, образ которой оказался наиболее значимым для данного круга авторов?

Инаугурации Саксонской династии: от королей — к императорам

К началу правления Оттона I его династия совсем недавно утвердилась на троне: он был лишь вторым по счету королем из рода Людольфингов. Тем не менее в дальнейшем амбициозный государь стремительно преодолевал все новые и новые ступени на пути к вершинам власти. Начало каждого этапа сопровождалось актом инаугурации — своего рода обрядом перехода правителя в некое новое качество (а вместе с тем и изменения статуса династии в целом).

coronement et sacre — во французском: Джексон Р.А. Коронации императоров и королей // Словарь средневековой культуры / под общ. ред. А.Я. Гуревича. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 229.

¹² Это подтверждают в том числе очень разноречивые свидетельства коронационных чинов данной эпохи: *Isabella G. Modelli di regalità a confronto. L'ordo coronationis regio di Magonza e l'incoronazione regia di Ottone I in Widukindo di Corvey* // *Forme di potere nel pieno medioevo (secc. VIII–XII). Dinamiche e rappresentazioni* / a cura di G. Isabella. Bologna, 2006. P. 55–56.

¹³ Один из примеров см. в работе: *Ануфриева А.С. Молитва государя: роль короля в битве при Биртене в интерпретации Лиутпранда Кремонского* // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 389. С. 128–132.

В 936 г. Оттон I взошел на трон Восточно-Франкского королевства после смерти своего отца Генриха I (919–936). В 951 г., совершив свой первый поход в Италию, он обрел власть и над Итальянским королевством, а в 962 г., в ходе второго итальянского похода, получил в Риме императорский венец. Кроме того, еще при жизни Оттона I дважды был коронован его сын Оттон II (самостоятельное правление — 973–983 гг.): сначала в 961 г. в качестве соправителя-короля, а затем — в 967 г. как соправитель-император¹⁴.

В поле зрения историографов эпохи Оттона I попала также инаугурация Генриха I, хоть и отдаленная во времени на несколько десятилетий, но по-прежнему чрезвычайно значимая как момент обретения королевской власти династией Людовфингов. Во многих случаях эти авторы описывали разные инаугурации с разной степенью подробности, а некоторые из них могли и вовсе обойти вниманием. Так, никем не была упомянута коронация 951 г. в Италии, и лишь Адальберт Магдебургский не забыл в своем сочинении ни об одной из пяти остальных.

События, связанные с началом правления династии, отображены в разных сочинениях с большим количеством вариаций. Видукинд сравнительно подробно описывает инаугурацию во Фрицларе в 919 г., в ходе которой брат предыдущего государя Франконской династии Конрада I (911–918), Эберхард, десигнировал его «перед всем народом франков и саксов»¹⁵. Отдельно отмечено, что Генрих смиренно отказался от предложенного ему помазания, заявляя, что главным для него является избрание знатью¹⁶. Лиутпранд также упоминает схожий

¹⁴ См. подробнее об основных событиях периода правления Оттона I: *Ануфриева А.С. Оттон I // ПЭ. Т. 53. М., 2019. С. 547–551.*

¹⁵ *Wid. Gesta Sax. Lib. I. Cap. 26. P. 33–34. “Ut ergo rex imperarat, Evurhardus adiit Heinricum seque cum omnibus thesauris illi tradidit, pacem fecit, amicitiam promeruit; quam fideliter famaliariterque usque in finem obtinuit. Deinde congregatis principibus et natu maioribus exercitus Francorum in loco qui dicitur Fridisleri, designavit eum regem coram omni populo Francorum atque Saxonum”.* «Поэтому, как и приказал король, Эберхард пришел к Генриху и передал в его распоряжение себя вместе со всеми сокровищами, заключил мир, снискал дружбу, которую до конца сохранил верной и близкой. Затем, когда в месте под названием Фрицлар собрались предводители и старейшины войска франков, [Эберхард] десигнировал его королем перед всем народом франков и саксов» (здесь и далее цитаты из источников приводятся в переводе автора статьи).

¹⁶ *Ibid. “Cumque ei offerretur unctio cum diademate a summo pontifice, qui eo tempore Hirigerus erat, non sprevit, nec tamen suscepit: ‘Satis’, inquires, ‘michi est, ut*

сюжет — первоначальный смиренный отказ Генриха от «вершины королевского достоинства», но сообщает, что в конце концов тот согласился принять власть во всей полноте. При этом акт избрания автор обходит стороной¹⁷. Наконец, у Адальберта инаугурация и вовсе отнесена к более поздней дате — 920 г., и речь идет исключительно об избрании — зато уже не только франками и саксами, но и представителями всех прочих племенных герцогств королевства¹⁸.

На этом примере хорошо видно, что каждый из авторов «конструирует» ход инаугурации Генриха в соответствии со своими идеологическими установками: для Видукинда важна прежде всего преемственность саксов по отношению к франкам, для Лиутпранда — легитимность королевской власти, для Адальберта — объединение всех племенных герцогств. В силу отдаленности событий во времени конкретных деталей сцены, по-видимому, до авторов 950–970-х годов почти не дошло. В общей исторической памяти задержалась только одна важная деталь — отсутствие помазания при инаугурации первого короля династии.

По-видимому, на тот момент не существовало даже консенсуса, какой именно символический акт следует считать точкой отсчета истории династии. Видукинд выдвигает на первый план акт, совершенный в 919 г. во Фрицларе, — с согласия знати Франконии и Саксонии, для Адальберта важнейшее событие годом позже, уже после «собрания» земель королевства. Лиутпранд и вовсе вместо избрания короля знает

pre maioribus meis rex dicar et designer, divina annuente gratia ac vestra pietate; penes meliores vero nobis unctio et diadema sit: tanto honore nos indignos arbitramur”. «Когда же верховным понтификом, которым был в то время Херигер, ему [Генриху] были предложены помазание и венец, он не отверг [их], но и не принял, говоря: “Мне достаточно того, что я провозглашаюсь и десигнируюсь королем перед моими знатыми [людьми], по соизволению божественной милости и вашего благочестия; помазание же и венец пусть будут у тех, кто лучше нас: мы считаем себя недостойными такой чести”».

¹⁷ *Liutprandi Cremonensis Antapodosis // Liutprandi Cremonensis Opera Omnia / a cura di P. Chiesa. (CCCM, [156]). Turnhout, 1998 (далее: *Liutpr. Ant.*). Lib. II. Cap. 20. P. 44. “Qui regiae dignitatis culmen et prius humiliter declinavit, ac paulo post non ambitiose suscepit”. «Сначала он смиренно отказался от вершины королевского достоинства, однако вскоре без честолюбия принял».*

¹⁸ *Adalb. Chron. Ann. 920. P. 156. “Heinricus dux consensu Francorum, Alamannorum, Bawariorum, Turingorum et Saxonum rex eligitur”. «Герцог Генрих по согласию франков, алеманнов, баваров, тюрингов и саксов избирается королем».*

в своем сочинении превратил в главный квазиинаугурационный акт сцену у смертного одра Конрада I, в которой тот будто бы завещал Генриху королевские инсигнии (еще в 918 г.)¹⁹.

Королевская коронация 936 г. привлекла внимание далеко не всех авторов. Лиутпранд лишь сообщил о том, что отец утвердил Оттона I в качестве законного следующего короля²⁰. Адальберт в свою очередь кратко упомянул о его избрании преемником после смерти отца «с согласия первых лиц королевства»²¹. Ни тот ни другой даже не привел свидетельства именно о коронации как возложении венца и помазании. Хротсвита также лаконично упомянула о совершении помазания новоиспеченного государя, «угодного желанию народа», а Руотгер — о помазании и «согласии князей»²².

С этой краткостью резко контрастирует велеречивость Видукинда: данной сцене он посвятил развернутое, детальное и красочное описание, о котором было сказано в цитате М.А. Бойцова, открывавшей нашу статью²³. Несмотря на внушительный объем текста, это свидетельство заслуживает быть процитированным целиком.

¹⁹ *Liutpr. Ant. Lib. II. Cap. 20. P. 43–44.* Подробнее о данном эпизоде см.: *Ануфриева А.С. Средневековый историограф как «создатель» политического ритуала: описание сцены завещания королевских инсигний в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXXII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2013. С. 5–8.*

²⁰ *Liutpr. Ant. Lib. IV. Cap. 16. P. 106.* “*Quantae fuerit prudentiae quantaque rex Heinricus scientiae, hinc probari potest, quod potissimum ac religiosissimum natorum suorum regem constituit.*” «Каким благоразумием и какой мудростью был наделен король Генрих, ты можешь убедиться по тому, что он поставил королем могущественнейшего и благочестивейшего из своих отпрысков».

²¹ *Adalb. Chron. Ann. 936. P. 159.* “[...] *filius suus Otto consensu primorum regni successor eligitur.*” «[...] сын его Оттон по согласию первых лиц королевства избирается наследником».

²² *Hrotsvithae Gesta Ottonis // Hrotsvithae Opera omnia / hrsg. von W. Berschin. München; Leipzig, 2001 (далее: Hrotsv. Gesta Ott.). Vers. 128–131. P. 280.* “*Quo nam defuncto, regnum susceperat Oddo, / Eiusdem primogenitus regis venerandus; / Et, voto cuncti iam respondente popelli, / Unguitur in regem, Christo praestante, potentem.*” «Когда он умер, королевство принял Оттон, достопочтенный первенец того же короля, и, угодный желанию всего народа, при покровительстве Христа, [он] помазывается как могущественный король»; *VB. Cap. 5. P. 6.* “*Otto filius eius maior natu benedictione Domini auctus et oleo letitiae unctus magna voluntate et consensu principum regnare coepit.*” «Его старший сын Оттон, возвеличенный благословением Господа и помазанный елеем радости, по великому желанию и согласию первых лиц начал царствовать».

²³ *Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. 1. P. 54–57.*

После смерти отца отечества Генриха, величайшего и наилучшего из королей, весь народ франков и саксов избрал себе предводителем его сына Оттона, прежде уже десигнированного отцом в качестве короля. Было указано, чтобы местом всеобщего избрания стал дворец в Ахене. Находится же это место близ Юла²⁴, названного по имени основателя Юлия Цезаря. И когда Оттон прибыл туда, герцоги, а также главные из префектов со множеством других военачальников, собравшись в ксистуме²⁵, примыкающем к базилике Карла Великого, возвели нового вождя на установленный там трон, подавая ему руки, обещая верность и, клятвенно заверяя в своей поддержке против всех врагов, согласно своему обычаю, сделали его королем. Пока герцоги и прочие высшие сановники совершали это, понтифик²⁶ вместе со всем духовенством и всем простым народом ожидали внутри базилики процессию нового короля. Когда он вошел, великий понтифик, проследовав навстречу, левой рукой коснулся десницы короля, держа в правой руке посох, одетый в линею, облаченный в столу и планету²⁷, и остановился, выйдя на середину храма. Обернувшись к народу, стоявшему вокруг, — ведь в этой базилике внизу и вверху были сделаны круговые галереи, — так, чтобы весь народ мог видеть, он сказал: «Вот, вывожу к вам Оттона, прежде избранного Богом и десигнированного государем Генрихом, ныне же всей высшей знатью сделанного королем; если это избрание угодно вам, дайте знак, подняв к небу правые руки». На это весь народ, подняв правые руки вверх, громкими возгласами пожелал благоденствия новому предводителю. Вслед за этим понтифик с королем, одетым по обычаю франков в узкую тунику, проследовал за алтарь, на который были положены королевские

²⁴ Ныне г. Юлих, в федеральной земле Северный Рейн — Вестфалия. О том, как в упоминании Видукиндою этого города и (ложной) этимологии его названия проявляется стремление «удревнить» традицию передачи власти, возведя ее не к каролингским, а к античным корням, подробнее см.: *Zielinski H. Zur Aachener Königserhebung von 936 // DA. 1972. Bd. 28. S. 210–222.*

²⁵ Колонный двор, примыкавший к капелле с западной стороны. *Ley J. Aquis palatium: Spätantiker Palast oder frühmittelalterliche Pfalz? Architekturhistorische Überlegungen zur Ikonographie der Aachener Pfalz // The Emperor's House. Palaces from Augustus to the Age of Absolutism / M. Featherstone, J.-M. Spieser, G. Tanman, U. Wulf-Rheidt (eds). Berlin; Boston, 2015. P. 127–129.*

²⁶ Таким образом Видукиндо, как видно из дальнейшего повествования, обозначает сан архиепископа.

²⁷ Линея, или альба — длинная льняная туника, надеваемая в качестве нижнего облачения священнослужителем (соответствует стихарю, или подризнику, в православной традиции). Стола — элемент облачения священнослужителя, длинная лента, надеваемая поверх альбы: диаконами — через плечо, священниками и епископами — на шею (соответствует орарю, или епитрахили, в православной традиции). Планета, или казула — плащ, риза, надеваемая священниками и епископами поверх альбы и столы.

инсигнии — меч с перевязью, плащ и армиллы²⁸, посох и скипетр, а также венец. Был же в то время верховный понтифик по имени Хильдеберт, родом из франков, монах, вскормленный и обученный в Фульдском монастыре, он заслуженно удостоился чести стать аббатом этой обители, а затем получил и сан верховного понтифика Майнцского престола. Он был муж, весьма прославленный необыкновенным благочестием и, помимо врожденной мудрости, еще и усердными учеными трудами. Говорили, что он, среди прочих даров [Божьей] милости, получил и пророческий дух. И когда выясняли, какой из понтификов будет посвящать короля — Трирский или Кёльнский, один — поскольку его престол древнее и будто бы основан блаженным апостолом Петром, или другой — потому что место относилось к его диоцезу, то, хотя каждый и полагал, что чести посвящать [короля] должен быть удостоен именно он, — оба они все же уступили всеми признанной милости Хильдеберта. Он же, подойдя к алтарю и взяв с него меч с перевязью, обратившись к королю, сказал: «Прими этот меч, чтобы ты изгонял им всех врагов Христа, варваров и дурных христиан, ведь по божьей воле тебе передана полная власть надо всей империей франков, для нерушимейшего мира всех христиан». Затем, взяв армиллы и плащ, облачил его и сказал: «Эти рога, направленные к земле²⁹, пусть напоминают тебе, чтобы ты пылал жаром веры и что ты до конца должен пребывать в заботе о мире». Наконец, взяв посох и скипетр, сказал: «Эти знаки пусть напоминают тебе, чтобы ты с отцовской строгостью наказывал подданных и прежде всего с милосердием оказывал помощь служителям Бога, вдовам и сиротам; и пусть никогда не утратит силу елей сострадания на твоей голове, чтобы в настоящем и будущем ты увенчался вечной наградой». И тотчас же после того, как был помазан святым елеем и коронован золотым венцом самими понтификами Хильдебертом и Викфридом и все посвящение было должным образом завершено, этими же понтификами он был подведен к трону, подниматься на который надо было по винтовой лестнице, установленной между двумя мраморными колоннами дивной красоты, откуда он мог видеть всех и быть виден всем³⁰.

²⁸ Особые украшения для запястий.

²⁹ Речь идет, по-видимому, о специфической форме армилл.

³⁰ *Wid. Gesta Sax.* P. 54–57. (Lib. II. Cap. 1). *Defuncto itaque patre patriae et regum maximo optimo Heinrico omnis populus Francorum atque Saxonum iam olim designatum regem a patre, filium eius Oddonem, elegit sibi in principem. Universalisque electionis notantes locum iusserunt esse ad Aquasgrani palatii. Est autem locus ille proximus Iulo a conditore Iulio Caesare cognominato. Cumque illo ventum esset, duces ac prefectorum principes cum caetera principum militum manu congregati in sexto basilicae Magni Karoli cohaerenti collocarunt novum ducem in solio ibidem constructo, manus ei dantes ac fidem pollicentes operamque suam contra omnes inimicos spondentes, more suo fecerunt eum regem. Dum ea geruntur a ducibus ac caetero magistratu, pontifex maximus cum universo sacerdotali ordine et omni*

Видукинд показывает эту инаугурацию как сложный комплекс различных символических актов, детально передает перемещение участников в пространстве капеллы, перечисляет облачения, инсигнии, словесные формулы, произнесенные в ходе церемонии. Безусловно, в поиске образа коронации, ярче всего запечатленного в оттоновской историографии, данное описание никак нельзя обойти стороной. Однако именно такая степень подробности в повествовании о давних событиях 936 г., почти незнакомых другим авторам того же времени, заставляет относиться к свидетельству Видукинда с особенной осторожностью.

Не может не обратить на себя внимание поразительная скудость свидетельств и о важнейшем символическом акте всего периода

plebe infra in basilica prestolabatur processionem novi regis. Quo procedente pontifex obvius laeva sua dexteram tangit regis, suaque dextera lituum gestans, linea indutus, stola planetaque infulatus, progressusque in medium usque fani subsistit; et reversus ad populum, qui circumstabat — nam erant deambulatoria infra supraque in illa basilica in rotundum facta —, quo ab omni populo cerni posset: 'En', inquit, 'adduco vobis a Deo electum et a domino rerum Heinrico olim designatum, nunc vero a cunctis principibus regem factum Oddonem; si vobis ista electio placeat, dextris in caelum levatis significate'. Ad haec omnis populus dextras in excelsum levans cum clamore valido inprecatur sunt prospera novo duci. Proinde procedit pontifex cum rege tunica stricta more Francorum induto pone altare, super quod insignia regalia posita erant, gladius cum balteo, clamis cum armillis, baculus cum sceptro ac diadema. Eo quippe tempore erat summus pontifex nomine Hildiberhtus Franco genere, monachus professione, nutritus vel doctus in Vuldo monasterio, et ad id honoris merito progrediens, ut pater eiusdem loci constitueretur, deinde summi pontificatus Mogontiacae sedis fastigium promerisset. Hic erat vir mirae sanctitatis et preter naturalem animi sapientiam litterarum studiis satis clarus. Qui inter caetera gratiarum dona spiritum prophetiae accepisse predicatur. Et cum quaestio esset pontificum in consecrando rege, Treverensis videlicet et Coloniae Agrippinae — illius, quia antiquior sedes esset et tamquam a beato Petro apostolo fundata; istius vero, quia eius ad diocesim pertineret locus: et ob id sibi convenire arbitrati sunt huius consecrationis honorem — cessit tamen uterque eorum Hildiberhti cunctis notae almitati. Ipse autem accedens ad altare et sumpto inde gladio cum balteo, conversus ad regem ait: 'Accipe', inquit, 'hunc gladium, quo eicias omnes is Christi adversarios, barbaros et malos Christianos, auctoritate divina tibi tradita omni potestate totius imperii Francorum, ad firmissimam pacem omnium Christianorum'. Deinde sumptis armillis ac clamide induit eum: 'His cornibus', inquit, 'humitenus demissis monearis, quo zelo fidei ferveas, et in pace tuenda perdurare usque in finem debere'. Exinde sumpto sceptro baculoque: 'His signis', inquit, 'monitus paterna castigatione subiectos corripias, primumque Dei ministris, viduis ac pupillis manum misericordiae porrigas; numquamque de capite tuo oleum miserationis deficiat, ut in presenti et in futuro sempiterno premio coroneris'. Perfususque ilico oleo sancto et coronatus diademate aureo ab ipsis pontificibus Hildiberhto et Wichfrido ac omni legitima consecratione completa, ab eisdem pontificibus ducitur ad solium ad quod per cocleas adscendebatur, et erat inter duas marmoreas mirae pulchritudinis columnas constructum, unde ipse omnes videre et ab omnibus ipse videri posset.

правления Оттона I — императорской коронации 962 г.³¹ Лиутпранд и Адальберт уделяют ей всего по несколько строк, а Видукинд и вовсе не упоминает³². Возможно, подробное описание этого акта присутствовало в исторической поэме Хротсвиты, однако по иронии судьбы от нее до наших дней дошел лишь совсем небольшой фрагмент³³.

Своеобразным продолжением и логическим завершением сюжета об обретении Оттонами императорской власти служит инаугурация в 967 г. сына государя, Оттона II (самостоятельное правление — 973–983 гг.), как императора-соправителя. У Адальберта этот эпизод стал ключевым, завершающим все его сочинение и демонстрирующим достижение Людольфингами высшего могущества (он уже не был омрачен, подобно инаугурации 962 г., последующим конфликтом с папой и знаменовал в восприятии автора окончательное признание власти Оттонов римлянами³⁴). У Хротсвиты императорская коронация сына также рассматривается в качестве логического продолжения пути отца³⁵.

³¹ О поразительно скудном количестве свидетельств об этом символическом акте: *Isabella G. Eine problematische Kaiserkrönung. Die Darstellung des Verhältnisses zwischen Otto I. und Johannes XII. in den Berichten über die Kaiserkrönung in zeitgenössischen italienischen und deutschen Quellen // Der "Zug über Berge" während des Mittelalters. Neue Perspektiven der Erforschung mittelalterlicher Romzüge / hrsg. von C. Jörg, C. Dartmann. Wiesbaden, 2014. S. 73, 87.*

³² *Liutprandi Cremonensis Historia Ottonis // Liutprandi Cremonensis Opera Omnia* (далее: *Liutpr. Hist. Ott.*). Cap. 3. P. 170. "Ubi miro ornatu novoque apparatu susceptus ab eodem summo pontifice et universali papa Iohanne unctionem suscepit imperii". «Здесь он, принятый тем самым верховным понтификом и вселенским папой Иоанном с удивительной пышностью и в новом убранстве, принял помазание империи». *Adalb. Chron. Ann. 962. P. 171.* "[...] indeque progrediens Romae favorabiliter susceptus acclamatione totius romani populi et cleri ab apostolico Iohanne, filio Alberici, imperator et augustus vocatur et ordinatur". «[...] следуя оттуда в Рим, принятый благосклонно, под аккламации всего римского народа и клира он апостолическим Иоанном, сыном Альберика именуется и назначается императором и августом».

³³ В рукописи здесь утрачены листы: *Berschin W. Editoris prefatio // Hrotsvithae Opera omnia. P. XII.*

³⁴ *Adalb. Chron. Ann. 967. P. 179.* "Domnus autem papa in gradibus beati Petri residens eos honorifice suscepit et sequenti die Ottonem regem acclamatione totius Romane plebis ante confessionem beati Petri cesarem et augustum ordinavit; factaque est non modica nostratum et Romanorum leticia de iocundissima duorum augustorum cum domno papa conventionem". «Господин же папа, восседающий на ступенях блаженного Петра, с почетом принял их и на следующий день под аккламации всего римского народа перед криптой блаженного Петра поставил короля Оттона цезарем и августом; и было немалым ликование наших и римлян о радостнейшей встрече двух августов с господином папой».

³⁵ *Hrotsv. Gesta Ott. Vers. 1502–1505.* "Ipsius prolem post illum iam venientem, / Scilicet Odonem, nutricis ab ubere regem, / Ad fasces augustalis provexit honoris / Exemploque

В описаниях обеих императорских коронаций оттоновские историографы делают особый акцент на символических элементах, связанных с приемом государей в Риме (инаугурация тесно переплетается с актами *adventus domini*, прибытия государя) и обязательствами, которые принимает на себя перед новоиспеченным императором местная светская и духовная знать, включая самого папу.

Итак, свидетельства о двух самых ранних инаугурациях Оттонов в основном настолько кратки и разноречивы, что трудно предположить, будто они были основаны на воспоминаниях о реальных символических актах давностью в несколько десятилетий. И лишь подробнейшее свидетельство Видукинда о коронации 936 г. явно выбивается из этого ряда. За описаниями императорских коронаций, напротив, уже угадывается некий набор общих деталей, но сохранившиеся свидетельства также крайне лаконичны, а некоторые авторы и вовсе не сочли необходимым касаться в своих сочинениях этих событий.

Второстепенная инаугурация глазами оттоновских историографов

В предыдущем разделе намеренно была оставлена за скобками еще одна коронация — инаугурация Оттона II в 961 г., которая на первый взгляд представляется с политической точки зрения менее существенной, чем все рассмотренные выше. Две предшествовавшие ей знаменовали утверждение династии на германском троне, две последующие — обретение и закрепление за Оттонами императорского титула, сама же она являлась как бы промежуточной, совершенной для подстраховки в ситуации, когда Оттон I отправлялся в рискованный поход и оставлял в немецких землях наследника, которому не было еще и шести лет.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в коллективной памяти оттоновских историографов эта коронация занимала не менее, а то и более значимое место. Данная сцена описана и Лиутпрандом, и Адальбертом, и Руотгером³⁶. В поэме Хротсвиты фрагмент,

sui digne fecit benedici”. «Своего отпрыска, идущего вслед за ним, а именно Оттона, с грудного возраста бывшего королем, привел к фасциям августовой почести и повелел достойно благословить по своему примеру».

³⁶ Liutpr. Hist. Ott. Cap. 2. P. 169–170; Adalb. Chron. Ann. 961. P. 171; VB. Cap. 41. P. 43.

повествующий о соответствующем временном отрезке, утрачен, и потому мы не можем судить, уделила ли внимание этому эпизоду гандерстеймская поэтесса. Видукинд напрямую это событие не упоминает, однако немецкий историк Х. Келлер выдвинул очень убедительную гипотезу о том, что саксонский историограф использовал именно инаугурацию 961 г. в качестве основы для описания коронации 936 г.³⁷

Как полагает Х. Келлер, упомянутое Видукиндром совместное участие в коронации архиепископов Майнца, Кёльна и Трира — обстоятельство, характерное именно для событий 961 г. Ход передачи инсигний государю по этому описанию во многом соответствует тексту Майнцкого коронационного чина, который, по-видимому, близок по времени к инаугурации Оттона II³⁸. Наконец, историограф не упоминает о присутствии на инаугурации жены государя, хотя в коронации 936 г. должна была бы участвовать первая супруга Оттона I Эдита († 946)³⁹.

С предположением Х. Келлера хорошо согласуется уже отмеченная нами особенность: свидетельства об инаугурации 936 г. у всех оттоновских историографов, кроме Видукинда, чрезвычайно кратки и почти не содержат каких-либо подробностей. Это вполне объяснимо большой временной дистанцией, которую Видукинд мог «преодолеть», спроецировав на полузабытые события образы из недавнего прошлого.

Однако даже если гипотеза немецкого историка справедлива, это не значит, что историограф буквально скопировал ход инаугурации 961 г. при описании событий 936 г. Для Видукинда чрезвычайно существенно было отразить в своем свидетельстве реалии, связанные непосредственно с моментом воцарения Оттона I. В частности, упомянутые им имена участников коронации, как и последующего пира во дворце⁴⁰, действительно принадлежали современникам событий 936 г. Весьма вероятно, что он по-своему скорректировал и некоторые детали

³⁷ Keller H. Widukinds Bericht über die Aachener Wahl und Krönung Ottos I // FMSt. 1995. Bd. 29. S. 418–420.

³⁸ Майнцкий чин датируют приблизительно 950–963/964 гг. Набор инсигний и последовательность их вручения в Майнцском чине полностью совпадают со свидетельством Видукинда о коронации, за исключением того, что вместе с армиллами и плащом (облачением, которое в чине именуется *pallium*) коронуемому вручается еще и кольцо. См. подробнее: *Isabella G. Modelli di regalità*. P. 56–58.

³⁹ Keller H. Op. cit. S. 414–420.

⁴⁰ Описание пира см. подробнее: *Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. 2. P. 57.*

самой церемонии так, чтобы ее описание послужило подтверждением важных для него идей. Идей, возводимых автором именно к началу правления Оттона I, — прежде всего особой роли высшей знати королевства в возведении государя на престол.

И все же очень существенно, что использованные Видукиндо образы, видимо, восходили по большей части к коронации, осуществленной в 961 г. Для того чтобы разобраться, почему же именно они привлекли к себе пристальное внимание и его самого, и иных авторов, рассмотрим сначала, какое место инаугурация 961 г. занимала в контексте каждого из сочинений.

Наиболее кратко говорит об этих событиях Лиутпранд в самом начале «Истории Оттона», произведения, повествующего преимущественно о противоборстве Оттона I после его императорской коронации с папой Иоанном XII (955–963), внезапно перешедшим на сторону противников немецкого правителя⁴¹. По словам историографа, Оттон I отправился в поход после настойчивых уговоров итальянцев: «Благочестивейший король, тронутый их слезными мольбами, помышляющий не о своем, а о том, что угодно Иисусу Христу, поставив королем своего сына, носящего то же имя, против обыкновения еще в детских летах, оставил его в Саксонии; сам же, собрав войска, поспешно двинулся в Италию»⁴². Здесь историограф упоминает, по существу, лишь один источник легитимации — *десигнацию*, указание наследника самим государем. Он ничего не сообщил о ходе символического акта, зато особо подчеркнул его исключительность. По-видимому, само по себе решение назначить сына соправителем не являлось, с его точки зрения, непривычным, но вот сделать это в столь юном возрасте Оттона II — было «против обыкновения».

Для Лиутпранда в контексте данного сочинения этот эпизод оказывался не более чем кратким прологом к дальнейшим событиям, одной из мер, предпринятых при подготовке масштабной экспедиции.

⁴¹ Подробнее об особенностях этого сочинения см.: *Chiesa P. Introduzione // Liutprando di Cremona. De Iohanne papa et Ottone imperatore. Crimini, deposizione e morte di un pontefice maledetto / a cura di P. Chiesa. Firenze, 2018. P. IX–XLVIII.*

⁴² *Liutpr. Hist. Ott. Cap. 2. P. 169. "Horum itaque rex piissimus lacrimosis questibus inclinatus, non quae sua, sed quae Iesu Christi sunt cogitans, filium suum sibi aequivocum contra morem puerilibus in annis regem constituens, eum in Saxonia dereliquit; ipse collectis copiis Italiam percitus venit".*

Помимо прочего, эта деталь помогла историографу подчеркнуть сочувствие государя к бедам итальянцев и его готовность в ответ на их «слезные мольбы» поступить «против обыкновения» (тем чудовищнее на фоне такой готовности Оттона идти на жертвы будет выглядеть последующее предательство со стороны папы).

У Адальберта помимо *десигнации* речь идет также об *избрании*, причем автор разделяет его на два акта: «Король, распорядившись идти в Италию, собрал великое множество своих приближенных в Вормсе, где по единодушному согласию знати королевства и всего народа избирается королем его сын Оттон. Отправившись дальше, с согласия и по избранию всех лотарингцев он поставляется королем в Ахене»⁴³.

Адальберт рассматривал в качестве первой из двух взаимосвязанных частей инаугурации акт избрания в Вормсе, во Франконии, при участии Оттона I. К нему же, вероятно, фактически отсылали и два предыдущих автора, говоря о десигнации наследника отцом, не называя при этом точного места действия. И лишь затем хронист сообщал о последующих событиях в Ахене, причем без указания на коронацию — упоминая только о «дополнительном» избрании короля еще и лотарингской знатью. Автор хроники как бы «следовал» за Оттоном I по маршруту его последнего объезда немецких земель перед отправлением в Италию и рассказывал об инаугурации Оттона II в ряду других важных мер по устройству государем дел в королевстве.

Руотгер, чаще всего не склонный уделять пристальное внимание политическим ритуалам, в случае с инаугурацией 961 г. был куда более многословен: «Сын императора был еще юным, чрезвычайно одаренным и исполненным радости, [он являлся] залогом мира и славы народа. Препоручив архиепископам, дяде и брату⁴⁴, император оставил его для надзора над Цизальпийским королевством, чтобы отправиться в Рим и распорядиться делами всей Италии. Сам будущий цезарь постановил, чтобы по всеобщему согласию всем народом был

⁴³ *Adalb. Chron. Ann. 961. P. 171.* “Rex in Italiam ire disponens maximam suorum fidelium multitudinem Wormatie coadunavit, ubi consensu et unanimitate regni procerum totiusque populi filius eius Otto rex eligitur. Indeque progrediens convenientia quoque et electione omnium Lothariensium Aquis rex ordinatur”.

⁴⁴ То есть Бруно, архиепископу Кёльнскому, и Вильгельму, архиепископу Майнцскому, — младшему брату и внебрачному сыну Оттона I соответственно.

избран король, и Оттона, одноименного отцу, помазали королем архиепископ Бруно, Вильгельм и Генрих⁴⁵ и прочие служители Господа в Ахенском дворце, и народ выразил величайшее ликование, говоря: “Да живет король вечно!”⁴⁶.

Вполне закономерно, что у Руотгера, как агиографа Бруно Кёльнского, этот эпизод вызывал самый живой интерес. Главный герой его сочинения стал одним из двух регентов при малолетнем соправителе и в числе трех архиепископов принял участие в помазании Оттона II. Характерно, что в обоих случаях при перечислении автор поставил на первое место именно Бруно.

Но, несмотря на первостепенный интерес к фигуре своего патрона, автор жития уделил внимание самым разным составляющим инаугурации — в том числе и тем, к которым кёльнский архиепископ не имел прямого отношения. Руотгер называет четыре главных элемента, легитимировавших власть короля-соправителя: 1) *десигнация* Оттона II его отцом; 2) *избрание* государя «по всеобщему согласию всем народом»; 3) его *помазание* при участии трех архиепископов; 4) выражение одобрения народом через провозглашение *славословия-аккламации*.

Что же касается свидетельства Видукинда о коронации 936 г., ритуал, детально описанный им, по структуре очень напоминал тот, о котором рассказывал Руотгер. Это дополнительно подкрепляет версию о том, что в основе данного сообщения саксонского историографа лежали именно сведения о событиях 961 г., «адаптированные» автором к реалиям 936 г.

Десигнация сразу же упоминается историографом в тесной связи с *избранием*: «После смерти отца отечества Генриха, величайшего и лучшего из королей, весь народ франков и саксов избрал себе предводителем его сына Оттона, прежде уже десигнированного отцом в

⁴⁵ Имеется в виду архиепископ Генрих Трирский (956–964).

⁴⁶ VB. Cap. 41. P. 43. “Erat imperatori filius adhuc tenellus, delicatissime indolis et integerrime voluptatis, obses pacis et gloria plebis. Hunc archiepiscopis, patruo fratrique, commendatum ad custodiam regni Cisalpini reliquerat imperator profecturus Romam et res totius Italie ordinaturus. Cesar ipse futurus electum summo consensu ab omni populo regem esse constituit, unxeruntque Ottonem, equivocum patris, Bruno archiepiscopus, Wilhelmus et Heinricus ceterique sacerdotes Domini regem in Aquisgrani palatii et exultavit maxima gratulatione populus dicens: ‘Vivat rex in aeternum!’”

качестве короля. Распорядители приказали, чтобы местом всеобщего избрания стал дворец в Ахене»⁴⁷.

Обращает на себя внимание, что церемония эта оказывается здесь разделенной на две части: сначала совершается избрание «народом франков и саксов», без указания точного места, а затем — повторное, «всеобщее» избрание уже в Ахене. Угадывается аналогия с событиями 961 г., состоявшими из двух актов — в Вормсе и Ахене. Само ахенское избрание у Видукинда представлено в виде сцены возведения государя на трон в ксистуме представителями знати⁴⁸.

Далее, уже в самой капелле, в пространстве перед алтарем архиепископ Майнцский обратился к собравшимся в капелле представителям «простого народа», призвав их поднять вверх правые руки и провозгласить *аккламации* государю, что должно было, вслед за избранием короля знатью, показать поддержку его «всем народом». «Весь народ», разумеется, был представлен на церемонии в лице тех, кто сумел поместиться в пространстве капеллы, сравнительно небольшом, даже если и были заполнены все ярусы галерей знаменитого восьмигранного зала⁴⁹.

Пышная церемония завершилась *церковным посвящением*. В алтаре архиепископ Майнца вручил инсигнии Оттону, а затем — уже совместно с архиепископом Кёльна — короновал и помазал его. Наконец,

⁴⁷ *Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. i. P. 54.* “Defuncto itaque patre patriae et regum maximo optimo Heinrico omnis populus Francorum atque Saxonum iam olim designatum regem a patre, filium eius Oddonem, elegit sibi in principem. Universalisque electionis notantes locum iusserunt esse ad Aquasgrani palatii”.

⁴⁸ *Ibid. P. 54–55.*

⁴⁹ *Ibid. P. 55.* “Quo procedente pontifex [...] progressusque in medium usque fani subsistit; et reversus ad populum, qui circumstabat — nam errant deambulatoria infra supraque in illa basilica in rotundum facta —, quo ab omni populo cerni posset: ‘En’, inquit, ‘adduco vobis a Deo electum et a domino rerum Heinrico olim designatum, nunc vero a cunctis principibus regem factum Oddonem; si vobis ista electio placeat, dextris in caelum levatis significate’. Ad haec omnis populus dextras in excelsum levans cum clamore valido inprecatur: ‘Prospera novo duci’. «Когда он вошел, понтифик [...] остановился, выйдя на середину храма. Обернувшись к народу, стоявшему вокруг, — ведь в этой базилике внизу и вверху были сделаны круговые галереи, — так, чтобы весь народ мог видеть, он сказал: ‘Вот, вывожу к вам Оттона, прежде избранного Богом и десигнированного государем Генрихом, ныне же всей высшей знатью сделанного королем; если это избрание угодно вам, дайте знак, подняв к небу правые руки’. На это весь народ, подняв правые руки вверх, громкими возгласами пожелал благоденствия новому предводителю».

оба архиепископа возвели нового государя на еще один трон, теперь уже установленный в самой церкви⁵⁰. Именно на этом этапе Видукиндр впервые указывает имена архиепископов — он называет Хильдеберта Майнцского и Викфрида Кёльнского, действительно занимавших эти кафедры в 936 г. Здесь же автор посвящает отдельное обширное отступление спору за право короновать государя между архиепископами Майнца, Кёльна и Трира и говорит об убедительной победе в нем именно Хильдеберта⁵¹.

Этот эпизод открывает вторую из трех книг «Деяний саксов». Он знаменует для автора начало принципиально нового этапа в истории его народа и всей державы Оттонов. Но, что особенно интересно, все прочие описания инаугураций в сочинении Видукиндр, случившихся и ранее, и позднее, можно рассматривать как своеобразные проекции данной сцены. Так, как было показано выше, инаугурация Генриха I во Фрицларе в 919 г., по свидетельству Видукиндр, включала десигнацию предшественником (в данном случае от имени брата покойного короля Конрада I действовал его брат, герцог Эберхард Франконский), одобрение кандидатуры представителями знати, диалог с архиепископом Майнцским (на этот раз — Херигером), в котором Генрих отказывался принять помазание, и, наконец, ликующие возгласы «всей толпы»⁵².

Очевидно совпадение набора элементов символических актов и их последовательности со сценой 936 г. Причем, даже несмотря на то что помазания во фрицларской сцене так и не случилось, между выражением воли знати и аккламациями народа здесь вставлена беседа с архиепископом Майнца, который появляется в сцене фактически лишь для того, чтобы выслушать отказ Генриха (обоснованный первостепенным значением для него десигнации и одобрения знатью). По-видимому, именно такие элементы легитимации и похожая их последовательность представляются автору важными для «правильной» инаугурации.

Более того, он стремится еще больше удревнить данную традицию. Рассказывая об отказе герцога Оттона Светлейшего (836–912), отца Генриха I, от королевской власти в 911 г., сам этот отказ историограф обыгрывает как своего рода несостоявшуюся инаугурацию,

⁵⁰ Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. 1. P. 55–56.

⁵¹ Ibid. P. 56.

⁵² Ibid. Lib. I. Cap. 26. P. 34. Развернутая цитата приводится выше.

упоминая схожий набор символических элементов. Как уверяет Видукинд, именно герцог Оттон должен был стать преемником последнего правителя Восточно-Франкского королевства из рода Каролингов, Людовика IV Дитяти (900–911)⁵³, причем с одобрения «народа франков и саксов» — речь фактически шла о *десигнации* и *изъявлении воли знати и народа*. Однако саксонский государь будто бы «дал совет» передать власть Конраду Франконскому, и уже именно он затем принял помазание⁵⁴. Налицо все тот же набор символических элементов и почти та же их последовательность.

Впрочем, еще задолго до появления на исторической сцене государей из рода Людольфингов, по мнению Видукинда, легитимная инаугурация властителя должна была быть выстроена таким же образом. Отдаленным предшественником правителей Саксонской династии в его сочинении предстает еще король франков из рода Меровингов Теодорих I (511–533), внебрачный сын Хлодвига I (481–511): «[...] король франков Хуга⁵⁵ умер, не оставив наследником королевства никого иного, кроме единственной дочери по имени Амальберга, которая вышла замуж за Ирминфрида, короля тюрингов. Но народ франков, с которым его властитель обходился человечно и милостиво, чтобы воздать благодарность, помазал себе королем его сына по имени Теодорих, которого тот имел от любовницы»⁵⁶. Иными словами, ключевыми элементами

⁵³ У этих сведений, сообщенных Видукиндом, мало общего с действительностью: Конрад I, имевший значительное влияние уже при дворе Людовика IV, рассматривался как главный преемник Каролингов в немецких землях, в то время как политическое влияние герцога Саксонии было не столь велико: *Goetz H.-W. Europa im frühen Mittelalter. 500–1050. Stuttgart, 2003. S. 74.*

⁵⁴ *Wid. Gesta Sax. Lib. I. Cap. 16. P. 22–23.* “Regi autem Hluthowico non erat filius, omnisque populus Francorum atque Saxonum quaerebat Oddoni diadema inponere regni. Ipse vero quasi iam gravior recusabat imperii onus; eius tamen consultu Cuonradus quondam dux Francorum ungitur in regem. Penes Oddonem tamen summum semper et ubique fiebat imperium”. «У короля Людовика не было сына, и весь народ франков и саксов просил Оттона надеть королевский венец. Но он, будучи уже отягощен [годами], отказался от бремени правления; по его же совету Конрад, некогда герцог франков, был помазан королем. Однако высшая власть всегда и повсюду оставалась у Оттона».

⁵⁵ Так Видукинд заменяет имя Хлодвига.

⁵⁶ *Wid. Gesta Sax. Lib. I. Cap. 9. P. 9.* “[...] moritur Huga rex Francorum, nullumque alium heredem regni relinquens preter unicam filiam nomine Amalbergam, quae nupserat Irminfrido regi Thuringorum. Populus autem Francorum a seniore suo humane clementerque tractatus, pro gratiarum actione rependenda filium quem ex concubine

вновь оказываются наследование (хотя официальной *десигнации* и не происходит, этот аспект автору важно обозначить), воля народа/знати (*избрание*), сакральная процедура посвящения (*помазание*)⁵⁷.

Все к тем же основным составляющим инаугурации Видукинд отсылает, рассказывая о подтверждении прав Оттона II с началом его самостоятельного правления в 973 г. Этот акт совершается, по его свидетельству, на следующий день после кончины отца, 8 мая: «С наступлением утра, хотя прежде он уже был помазан королем и десигнирован как император блаженным апостоликом⁵⁸, сыну императора, единственной надежде всей церкви, с тем же рвением, что и вначале, подавали руки, обещая верность и подтверждая воинскими клятвами свою помощь против всех врагов»⁵⁹.

Из этого отрывка ясно, что Видукинд был осведомлен и о королевской, и об императорской инаугурации Оттона II как соправителя. Но предпочел он описать именно сцену окончательного вступления наследника в права, подтверждающую, что и после смерти Оттона I Саксонская династия сохранила прежнее могущество. Данная сцена завершает последнюю книгу его сочинения, при этом автор лишь отсылает к совершенным ранее актам инаугурации — *десигнации* и *помазанию*, которые мыслятся как единое целое с повторным выражением поддержки знати.

Таким образом, историограф создает в своем сочинении впечатление единой, непрерывной и почти неизменной традиции проведения инаугураций, тянущейся от древних франкских государей к Оттону II, самостоятельное правление которого только начиналось к моменту завершения труда Видукинда. Показательно, что раз за разом

genuit nomine Thiadricum ungunct sibi in regem”. Преемственность по отношению к отцу упоминается как одно из ключевых оснований легитимации власти Теодориха, хотя, согласно свидетельству самого Видукинда, он был не законным наследником Хлодвига, а сыном от наложницы.

⁵⁷ Причем формулировка подразумевает, что помазание — прежде всего также акт, совершаемый по соизволению народа: “Ungunt sibi in regem” (*Wid. Gesta Sax. Lib. I. Cap. 9. P. 9*).

⁵⁸ То есть папой.

⁵⁹ *Wid. Gesta Sax. Lib. III. Cap. 76. P. 127*. “Mane autem iam facto, licet iam olim unctus esset in regem et a beato apostolico designatus in imperatorem, spei unice totius ecclesie, imperatoris filio, ut in initio certatim manus dabant, fidem pollicentes et operam suam contra omnes adversarios sacramentis militaribus confirmantes”.

воспроизводимый им набор символических элементов, необходимых для легитимации, из всех иных описаний инаугурации у оттоновских авторов ближе всего к свидетельству Руотгера об инаугурации Оттона II в 961 г.

Исходя из этого, можно предположить, что не только коронация 936 г., но и едва ли не каждая из инаугураций, описанных Видукиндом, являлась «отражением» акта 961 г. как модели «правильной», полностью легитимной процедуры возведения государя на престол. В контексте сочинения Видукинда каждый из этих актов — важная ступень прежде всего в истории возвеличивания народа саксов, к которым могущество и слава перешли от франков.

Очевидно, что особое значение этот историограф придавал актам признания государя саксонской знатью. Генрих вовсе отказывается от помазания, заявляя, что довольствуется лишь избранием, Оттон II после смерти отца повторяет прежде всего присягу знати. Что же до коронации 936 г., согласно интерпретации Видукинда, Оттон I обретал новый статус именно в момент избрания: после этого в тексте он именуется уже не «новым предводителем» (лат. *novus dux*⁶⁰), а «новым королем»⁶¹. Все дальнейшее, включая одобрение народом и церковный обряд инаугурации, служит, по существу, лишь подтверждением обретения этого нового статуса.

Как видим, в каждом из рассмотренных случаев свидетельства, прямо или косвенно связанные с инаугурацией 961 г., приводятся авторами исходя из совершенно разных мотивов и в разном контексте. Однако у каждого из них нашлись причины уделить внимание данной коронации, и в целом можно заключить, что ее образ оказал наибольшее влияние на авторов из окружения Оттона I.

Инаугурация как воплощение баланса интересов

Отчасти внимание оттоновских историографов к образам, связанным с инаугурацией 961 г., можно объяснить их лучшей осведомленностью о данном символическом акте. Воспоминания об этой коронации в

⁶⁰ Возможен также вариант перевода «новый герцог», учитывая, что Видукинд фиксирует момент уже после смерти отца Оттона, но еще до завершения его королевской инаугурации.

⁶¹ Ср.: *Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. i. P. 54–55*. Развернутая цитата приводится выше.

960-х — начале 970-х годов были гораздо более свежими, чем об инаугурациях 919 г. или 936 г.

В то же время, в отличие от коронаций 951, 962 и 967 гг., инаугурация 961 г. состоялась не в Италии, а в Вормсе и Ахене — т.е. во франконских и лотарингских землях, родных для Адальберта и Руотгера, которые для сакса Видукинда также были чрезвычайно важны как территория, ассоциировавшаяся с символической преемственностью по отношению к франкам. Есть основания предполагать, что именно эту часть владений Оттона к северу от Альп хорошо знал и Лиутпранд Кремонский⁶².

Ахен как центр для германских авторов географически значительно более близкий, чем Рим, при этом был почти столь же значимым в отношении символической репрезентации власти. Немецкие медиевисты середины прошлого столетия не без основания предлагали рассматривать Видукинда в качестве создателя концепции «неримской имперской власти», подразумевавшей, что Оттон получил легитимный титул императора не благодаря походам в Италию и коронации папой, а при поддержке знати Восточно-Франкского королевства и с опорой на символическое наследие Каролингов⁶³.

Кроме того, вероятно, инаугурация 961 г. оказалась, по существу, первой, которая проводилась в момент, когда Оттон I уже недвусмысленно выражал свое намерение направиться в Рим за императорской короной. Таким образом, она дала возможность провести «испытания» нового подхода к репрезентации власти. Показательны и появление, вероятно, примерно в то же время Майнцского коронационного чина, и начало работы оттоновских историографов над первыми крупными сочинениями.

Но, может быть, важнейшим фактором, которым можно объяснить интерес столь широкого круга авторов к этой инаугурации,

⁶² Так, в своем главном историческом сочинении «Антаподосис», над которым Лиутпранд работал в немецких землях, он упоминает около десятка городов во Франконии и Лотарингии, только три — в Саксонии и один — в Швабии.

⁶³ Erdmann C. Die nichtrömische Kaiseridee // Erdmann C. Forschungen zur politischen Ideenwelt des Frühmittelalters / hrsg. von F. Baethgen. Berlin, 1951. S. 1–51; Beumann H. Widukind von Korvei. Untersuchungen zur Geschichtsschreibung und Ideengeschichte des 10. Jahrhunderts. Weimar, 1950. S. 205–265; Brundage J.A. Widukind of Corvey and the “Non-Roman” Imperial Idea // Medieval Studies. 1960. Vol. 22. S. 15–26; Keller H. Op. cit. S. 397–410; Karpf E. Herrscherlegitimation und Reichsbegriff in der ottonischen Geschichtsschreibung des 10. Jahrhunderts. Stuttgart, 1985. S. 168–175.

явилось то, что именно она стала узловым моментом в урегулировании целого ряда противоречий и конфликтов, назревших в среде немецкой знати.

Вероятно, основания опасаться за прочность своего положения были в тот момент у королевы Адельгейды (ок. 931–999). Дети Оттона I от первого брака с Эдитой⁶⁴ к тому моменту уже ушли из жизни, но и два старших сына Адельгейды — Генрих (952–954) и Бруно (953) — умерли во младенчестве⁶⁵, и политическое влияние королевы теперь зависело от судьбы Оттона II. Ко времени сборов Оттона I во второй итальянский поход Адельгейда по-прежнему еще воспринималась частью немецкой знати как чужеземка, и в случае гибели мужа события могли принять для нее и ее потомства неблагоприятный оборот⁶⁶.

В Саксонской династии прежде не было принято десигнировать наследника до достижения им совершеннолетия, а соправление с сыном в его «детских годах» являлось еще более радикальным нововведением. В то же время совместное царствование государя с несовершеннолетними детьми было привычным для византийской практики и, вероятно, именно оттуда оказалось перенято властителями Италии⁶⁷. Более того, первый супруг самой Адельгейды, Лотарь II (самостоятельное правление 945–950), также с раннего детства царствовал вместе со своим отцом, итальянским королем Гуго Арльским (926–947).

Учитывая все это, вполне вероятно, что идея заблаговременной коронации Оттона II могла исходить от самой королевы и быть следствием напряженности между окружением Адельгейды и ее оппонентами, способными выдвинуть из своей среды альтернативных претендентов на престол.

Сопоставление свидетельств Адальберта, Руотгера и Видукинда указывает на еще одну вероятную конфликтную ситуацию, связанную с этой инаугурацией, — соперничество архиепископов Майнца, Кёльна

⁶⁴ Сын Людольф (ок. 930–957) и дочь Лиутгарда (931–953).

⁶⁵ Подробнее: Ануфриева А.С. Оттон I. С. 548–549.

⁶⁶ Подробнее о биографии Адельгейды в контексте политических конфликтов в оттоновской Германии: Glocker W. Die Verwandten der Ottonen und ihre Bedeutung in der Politik: Studien zur Familienpolitik und zur Genealogie des sächsischen Kaiserhauses. Köln; Wien, 1989. S. 80–101.

⁶⁷ Ср.: Ohnsorge W. Die Idee der Mitregentschaft bei den Sachsenherrschern // Mitteilungen des österreichischen Staatsarchivs. 1972. Bd. 25. S. 539–548.

и Трира за право провести коронацию. По-видимому, принципиальнее всего здесь была подспудная борьба Вильгельма Майнцкого и Бруно Кёльнского за первенство в качестве наместников Оттона I в немецких землях на время его похода.

По свидетельству Руотгера, в церемонии были задействованы три церковных иерарха — Бруно, Вильгельм и Генрих Трирский, причем этот автор никак не разделяет их роли в ходе ритуала, утверждая, что все они «помазали»⁶⁸ Оттона II на царство. Однако порядок перечисления имен подразумевает первенство кёльнского архиепископа, что неудивительно, если вспомнить о принадлежности автора к окружению Бруно.

Адальберт не упоминает архиепископов в прямой связи с инаугурационными актами в Вормсе и Ахене, но указывает, что чуть позже Оттон I доверил опеку над сыном Вильгельму Майнцкому — о Бруно же Адальберт «забыл»⁶⁹. Далее хронист сообщает, что сам он вернулся в немецкие земли из неудачной миссии на Русь только летом 962 г., после чего был милостиво принят как раз Оттоном II и Вильгельмом⁷⁰. Иными словами, сколько-нибудь подробные сведения об инаугурации дошли до него не ранее чем спустя год после нее и, по-видимому, именно из окружения майнцкого архиепископа.

Видукинд, как уже упоминалось выше, также говорит о споре майнцкого, кёльнского и трирского архиепископов по вопросу о том, кто из них будет посвящать короля, а затем — о всеобщем признании первенства архиепископа Майнца. Именно майнцкому архиепископу он «доверяет» вручение государю инсигний и произнесение соответствующих церемониальных формул. Однако при описании главного акта посвящения, помазания и коронации, в повествовании фигурируют уже одновременно майнцкий и кёльнский архиепископы⁷¹.

⁶⁸ VB. Cap. 41. P. 43. “[...] unxeruntque Ottonem, equivocum patris, Bruno archiepiscopus, Wilhelmus et Heinricus ceterique sacerdotes [...]”. «[...] и Оттона, одноименного отцу, помазали королем архиепископ Бруно, Вильгельм и Генрих и прочие служители Господа [...]».

⁶⁹ *Adalb. Chron. Ann.* 961. P. 171.

⁷⁰ *Ibid. Ann.* 962. P. 172.

⁷¹ *Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. 1. P. 56-57.* “Perfususque ilico oleo sancto et coronatus diademate aureo ab ipsis pontificibus Hildiberhto et Wichfrido ac omni legitima consecratione completa, ab eisdem pontificibus ducitur ad solium ad quod per coeleas adscendebatur, et erat inter duas marmoreas mirae pulchritudinis columnas constructum,

Хотя Видукинд использует имена архиепископов, актуальные для 936 г., само появление мотива соперничества трех церковных иерархов, с особым выделением двух из них и упоминанием их «сотрудничества» при коронации и помазании, выглядит как еще одно убедительное подтверждение гипотезы о проецировании автором на прошлое воспоминаний о событиях 961 г.

Эти вариации в отображении событий разными авторами — первенство Вильгельма, первенство Бруно или баланс между ними в распределении ролей — можно объяснить тем, что в самом акте инаугурации была заключена попытка нахождения некоего компромисса между двумя сторонами, дававшая возможность заинтересованным интерпретаторам истолковать происходящее в свою пользу.

Между тем Вильгельма, Бруно и Генриха объединяло то, что они получили свой сан в середине 50-х годов (в 953, 954 и 956 гг. соответственно). В этот период Оттон I начал последовательно проводить новую церковную политику, фактически назначая представителей своего ближайшего окружения (к которому относился и Генрих⁷²) на важнейшие архиепископские и епископские кафедры, которые прежде нередко занимали представители оппозиционной знати⁷³. Участие трех наиболее могущественных представителей этого «нового поколения» высших церковных иерархов в коронации сына государя можно, таким образом, рассматривать как своего рода публичное утверждение, закрепление превосходства новой, преданной государю церковной знати над старой.

Наконец, с коронацией 961 г. в восприятии современников, очевидно, были связаны противоречия между светской и церковной знатью. На это указывает спор о том, что имеет первостепенное значение как легитимирующий акт: избрание государя или его церковное посвящение — помазание и коронация.

unde ipse omnes videre et ab omnibus ipse videri posset». «И тотчас же после того, как был помазан святым елеем и коронован золотым венцом самими понтификами Хильдебертом и Викфридом и все посвящение было должным образом завершено, этими же понтификами он был подведен к трону, подниматься на который надо было по винтовой лестнице, установленной между двумя мраморными колоннами дивной красоты, откуда он мог видеть всех и быть виден всем».

⁷² Генрих Трирский также являлся родственником Оттона I: *Ries H. Heinrich I. // NDB. Bd. 8. Berlin, 1969. S. 402–403.*

⁷³ Подробнее см.: *Ануфриева А.С. Оттон I. С. 551–552.*

Выше уже упоминалось, что Видукинд связывал момент превращения государя из «предводителя» («герцога») в «короля» именно с актом избрания. Тот же самый прием — изменение титула прямо по ходу описания инаугурации — использован и в Майнцском коронационном чине. Но здесь коронуемый именуется «десигнированным государем» (*designatus princeps*, возможен также перевод «десигнированный князь») вплоть до начала церковного посвящения с участием архиепископов⁷⁴.

И в «Деяниях саксов», и в Майнцском чине приводятся формулы, произносимые архиепископом при передаче инсигний, однако они существенно различаются — прежде всего тем, что во втором случае настойчиво подчеркивается значимость роли высших церковных иерархов как посредников при передаче власти от Господа — земному государю⁷⁵.

Значимость этих различий кажется тем большей, если предположить, что Видукинд, описывая события 936 г., намеренно корректировал какие-то из элементов, связанных с 961 г., стремясь создать образ идеальной, на его взгляд, коронации, в которой представителям светской знати отводилось бы подобающее место. Адальберт использует в качестве обозначения всей инаугурации одно лишь слово «избрание», Руотгер упоминает разные составляющие символического акта, но делает акцент скорее на церковном посвящении. И лишь Лиутпранд остается «над схваткой», подчеркивая первостепенную значимость десигнации — воли самого государя-отца.

Поскольку главным предназначением инаугурации 961 г. было обеспечение мира в королевстве на время отсутствия Оттона I, в ней

⁷⁴ *Isabella G. Modelli di regalità a confronto*. P. 55.

⁷⁵ Например, формулы при вручении меча у Видукинда (*Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. I. P. 56*). “Accipe”, inquit, “hunc gladium, quo eicias omnes Christi adversarios, barbaros et malos Christianos, auctoritate divina tibi tradita omni potestate totius imperii Francorum, ad firmissimam racem omnium Christianorum” («Прими этот меч, чтобы изгонять всех врагов Христа, варваров и дурных христиан, ведь по божьей воле тебе передана полная власть над всей империей франков, для нерушимейшего мира всех христиан»). Ср. в Майнцском чине: “Accipe gladium per manus episcoporum licet indignas, vice tamen et auctoritate sanctorum apostolorum consecratas, tibi regaliter impositum nostraeque benedictionis officio in defensionem sanctae Dei ecclesiae divinitus ordinatum”. «Прими меч из рук епископов, пусть недостойных, но освященных властью святых апостолов, врученный тебе как королю и нашим благословением предназначенный для защиты по божественному велению святой Божьей церкви» (цит. по: *Isabella G. Modelli di regalità a confronto*. P. 98).

должен был быть символически закреплен баланс интересов различных групп знати, а то и конкретных персон. Во многом особая значимость этого акта в памяти оттоновских историографов была связана с тем, что едва ли не для каждого из них с ней ассоциировалась та или иная насущная проблема, связанная с их личными интересами.

Не случайно в оттоновской традиции именно вокруг событий 961 г. выстраивались самые подробные свидетельства об инаугурационном акте как комплексе разного рода символических элементов — десигнации, избрания, церковного посвящения, аккламаций. Такой набор, вероятно, был важен для историографов как отображение баланса разных источников легитимации власти оттоновских государей — наследования, избрания знатью, коронации и помазания, проводимых высшими церковными иерархами, и выражения одобрения «всем народом».

Безусловно, едва ли не каждую средневековую коронацию любой эпохи и любого региона можно назвать комплексным символическим актом, в котором отображалась сложная система компромиссов между представителями властной элиты, актуальная на момент проведения церемонии. Однако для нас сейчас важно, что для поколения историографов эпохи Оттона I в силу ряда объективных и субъективных факторов более всего актуализировались сюжеты, связанные именно с этим историческим моментом, этим регионом и этой средой. Инаугурация 961 г. в их восприятии вбирала и «старые», и «новые» смыслы. С одной стороны, она закрепляла сохранение баланса интересов светской и духовной знати в немецких землях на время долгого отсутствия государя на родине. С другой же стороны, в ней впервые опробовался новый символический арсенал, что служило своеобразным прологом к последовавшим вскоре императорским коронациям в Италии, а в восприятии некоторых авторов даже их «заменой».

Эта инаугурация происходила в промежутке между двумя эпохами в истории династии Людольфингов, накануне обретения Оттоном I императорского статуса, когда былые способы реализации и репрезентации власти трансформировались и разрушались, а формирование новых лишь начиналось. Но в восприятии оттоновских историографов все это делало данную церемонию не столько «промежуточной», «проходной», сколько «центральной», связанной и

с прошлым, и с грядущим, с закреплением давней традиции и с зарождением новой.

Именно оттоновские историографы первыми столкнулись с задачей запечатлеть публичные акты репрезентации власти германских государей. Образы политических ритуалов, созданные ими, значительно повлияли на последующие поколения средневековых историографов, а также на других теоретиков и практиков «потестарной имагологии». И потому отголоски «второстепенной» коронации 961 г., по-видимому, слышатся в актах инаугурации немецких государей самых разных периодов, где вновь и вновь в тех или иных сочетаниях комбинировались символические элементы, связанные с наследованием, избранием знатью, церковным посвящением и согласием народа.

Научное издание

Серия
Polystoria

**Анатомия власти:
государь и подданные в Европе
в Средние века и Новое время**

Второе издание, пересмотренное

Составители и ответственные редакторы
Олег Воскобойников, Ольга Тогоева

Зав. книжной редакцией *Елена Бережнова*
Редактор *Анастасия Архипова*
Верстка: *Ольга Быстрова*
Корректор *Ольга Ростковская*
Обложка и вклейка: *Валерий Коршунов*

Дизайн серии: ABCdesign

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг
обращайтесь в отдел реализации
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297
bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 25.12.2024. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 33,0. Уч.-изд. л. 31,5
Тираж 600 экз. Изд. № 2883

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Ульяновский Дом печати»,
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14
Тел.: +7 (8422) 41-11-06, e-mail: info@uldp.ru